

Александр ВАРГО

ГУРМАН

Ты ничего не знаешь о Боги...

ЭКСМО

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго
Гурман

«ЭКСМО»

2014

Варго А.

Гурман / А. Варго — «Эксмо», 2014 — (MYST. Черная книга 18+)

Несколько десятилетий назад жителей Кемеровской области повергла в шок череда изощренных и невероятно жестоких убийств. Милиции с трудом удалось поймать маньяка. К всеобщему удивлению, им оказался студент местного института Артур Малышев. Врачи признали убийцу невменяемым и отправили на бессрочное принудительное лечение. В 2013 году Артуру удалось сбежать из психиатрической больницы, и страшные убийства возобновились. На поиски преступника были брошены сотрудники всех местных силовых структур, но первым на след Малышева вышел бывший офицер милиции Виктор Боков. Он вычислил логово маньяка и попытался задержать убийцу. Решение действовать в одиночку стало для Бокова роковым...

© Варго А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Варго Гурман

Часть 1

*Пытки интересны всем. До тех пор, пока вас самих не начнут
пытать.*

Поговорка

19 июня 1972 года, Кемеровская область, Заозерский район

Лес медленно накрывала предвечерняя прохлада. Багровый, разбухший, ленивый шар солнца нехотя двигался к горизонту, покрывая верхушки деревьев алыми мазками. Создавалось впечатление, что кроны тлеют в воздухе, все еще наполненном жаром.

В этих местах было большой редкостью увидеть человека. Отчасти это объяснялось тем, что обширный лесной массив, протянувшийся от высоких Илейских гор до Каменска, самого северного городка области, являлся заповедной зоной. Браконьеров, как и любителей насобирать грибов с ягодами, здесь почти не встречалось – охотничьи инспекторы и егеря несли свою службу исправно.

Поэтому две крошечные фигурки, с трудом продирающиеся сквозь заросли, вызвали бы у любого человека по меньшей мере недоумение. Кто они и как очутились в этих дебрях?

Это были мальчик и девочка. Пареньку было лет семь-восемь, девочка – судя по всему, его сестра – была постарше года на четыре. Если она, несмотря на встревоженное и бледное лицо, еще как-то держалась, то мальчуган был на грани истерики.

– Так где они? – беспрестанно спрашивал он, дергая за локоть сестру. – Когда мы придем?

– Скоро, Женя, – неизменно отвечала девочка, с надеждой всматриваясь в чащу.

Ей все время казалось, что между стволов громадных деревьев вот-вот мелькнет просвет и они наконец-то окажутся на уютной полянке, где отдыхает их семья со своими друзьями и веселым пуделем по кличке Сема. Но никаких просветов не было. Более того, у девочки зрело нехорошее предчувствие, что они движутся вовсе не в том направлении, которое им нужно. Их ноги, обутые в дешевые кеды, утопали в высокой траве, мошара роем кружила над головами, и дети вяло отмахивались от назойливых насекомых.

А как все хорошо начиналось! Папа, вечно загруженный на своей работе, давно хотел вытащить их на пикник. Именно сегодня он сдержал свое обещание. С ними было еще двое малышей, дети друзей папы – Артем и Ира, и они решили поиграть в прятки.

«Только не уходите далеко», – рассеянно предупредила мама, кроша салаты.

Она даже не посмотрела, в какую сторону направились дети.

Ира стояла с закрытыми глазами и громко считала. Женя не нашел ничего подходящего для укрытия и выбрал самый надежный, по его мнению, способ спрятаться – он попросту побежал в глубь леса. Мила, его старшая сестра, уже было затаившаяся в огромном дупле старого дуба, увидела это и припустилась за братом.

«Он маленький. Мог заблудиться», – размазывая слезы, объясняла она потом бледным родителям.

Брат с сестрой спрятались в неглубоком овраге. Затаив дыхание, они прислушивались к голосу Иры. Позже к ней присоединился Артем, но потом все внезапно смолкло.

Вслед за этим дети увидели какого-то смешного зверька, не то барсука, не то енота. Женя загорелся желанием взглянуть на него поближе. Девочка немного помедлила и согласилась. Они с гиканьем припустились за животным, позабыв обо всем на свете. То ли барсук, то ли

енот будто бы дразнил детей, охваченных азартом. Он подпускал их на расстояние, достаточное для того, чтобы протянуть руку и погладить его, и в ту же секунду мгновенно срывался с места, как болид со стартовой линии.

Зверек исчез совершенно неожиданно, словно растворился среди кустов и густых зарослей. Девочка растерянно глядела на лес, со всех сторон обступивший их.

Ее мозг, разгоряченный от погони, неожиданно резанула мысль, от которой ей стало не по себе:

«Он специально завел нас сюда».

– Где мы, Мила? – испуганно пролепетал Женя, начиная пятиться назад.

Девочка взяла брата за руку, и они быстро зашагали назад.

«Сейчас найдем овраг. А за ним рукой подать», – думала Мила.

Но овраг все никак не появлялся. Деревья почему-то стояли все теснее. Их кроны сгущались, как будто пытались закрыть от детей даже небо. В лесу стояла невероятно странная тишина. Она вязким покрывалом укутывала их. Так паук пеленает муху, неспособную к сопротивлению.

– Мы что, заблудились? – забормотал Женя.

– Нет, – тут же ответила девочка, но в ее голове предательски прокатилось эхо:

«Конечно, заблудились. Эту ночь вы проведете здесь. В лесу. Где полно диких зверей!»

– Нужно кричать. Нас услышат, – сказал мальчик.

Мила едва не хлопнула себя по лбу. А ведь верно!

Однако громкие призывы о помощи ни к чему не привели. Дети лишь сорвали глотки и охрипли. Вдобавок они захотели пить.

– Это все ты! – ныл Женя, вертя по сторонам головой. – Это ты сказала в прятки играть. Если бы не ты!..

– Замолчи! – не выдержала Мила. – Мы найдем маму и папу. Все будет хорошо. Нас уже ищут!

К счастью, скоро они нашли небольшой ручей и вдосталь напились. Вода была холодной, от нее сводило челюсть и ломило зубы, но дети все равно пили до изнеможения.

«В самом деле, кто знает, сколько времени нам придется провести в лесу? – подумала Мила и вытерла влажные губы дрожащей рукой, чувствуя, как пучина страха накрывает ее с головой. – Нет, мы должны выбраться!»

– Мила, я боюсь, – снова заканючил Женя.

– Не надо, – сказала девочка, крепко сжимая потную ладошку брата. – Нас обязательно найдут.

Мила напряглась. Она совершенно некстати тоже вспомнила одну историю. Нет, даже просто новость. Ее вроде как абсолютно невзначай сообщил папа маме утром на кухне буквально на днях, но она намертво врезалась Миле в память. Мол, несколько дней назад на дороге произошла страшная авария. Погибла целая семья, не считая одной пожилой женщины. Ее везли в какую-то специальную больницу.

«Она где-то в лесу, – сказал отец, доедая рисовую кашу. – Возможно, еще жива».

Услышав вопрос, зачем старушке ползти куда-то в лес, отец покрутил пальцем у виска и проговорил:

«Пишут, она вроде немного не в себе. Ее хотели сдать в клинику».

– Когда нас найдут?

– Очень скоро. Обещаю. Потерпи, пожалуйста.

Тут Миле почудилось, что впереди, за стеной деревьев, виднеется что-то темное и про-
долговатое. Ей показалось или там и вправду что-то шелохнулось?

– Ты что? – Женя остановился и проследил за взглядом сестры.

– Там кто-то есть, – прошептала Мила.

– Человек?

– Думаю, да. Пошли.

Дети стали продираться вперед.

– Кто это? – испуганно спросил мальчик, когда дети вышли на небольшой пригорок. – Почему у нее такое серое и страшное лицо? Она умерла?

«Это та самая старушка, о которой говорил папа», – подумала Мила с колотящимся сердцем.

Прямо перед ними лежала пожилая женщина. На ней было выцветшее рваное платье и грязная шаль. Изжелта-коричневые, костлявые пальцы стиснуты, земля под ними в разрыхленных бороздах, будто она до последнего скребла ногтями, зовя на помощь.

– Она умерла? – снова спросил Женя, но Мила проигнорировала вопрос брата, неотрывно глядя на лицо старухи.

Она была потрясена.

Неужели смерть так страшна?

Лицо старухи было похоже на кусок высохшей растрескавшейся земли, которая много лет не знала влаги. Пепельное, грубо скроенное, морщинистое, оно было сплошь покрыто темными бородавками. Беззубый рот втянут внутрь. Такого длинного и уродливого носа Миле никогда не доводилось видеть. Он больше всего пугал ее.

Баба-яга из сказки.

«Это просто несчастная женщина, – попробовала себя успокоить Мила. – Она была другой, когда еще не умерла. Это все от страха».

– Мила, смотри! – вдруг воскликнул Женя, указывая пальцем на ноги пожилой женщины, точнее, на одну из них, левую.

Ступня старухи, вывернутая под невообразимым углом, торчала между толстыми корнями тополя.

– Она сломала ногу и умерла? – Женя вопросительно уставился на сестру.

Страха в его голосе уже не было.

– Не подходи! – крикнула она, когда он сделал неуверенный шаг вперед.

– Она мертвая. Ты что, не видишь?

«В самом деле мертвая. А может, просто без сознания?» От этой мысли девочке сделалось немного стыдно.

Разговор родителей произошел три дня назад. Эта бедняжка скиталась тут целую неделю, без еды и крыши над головой. А вдруг она еще жива? Ведь не зря Миле показалось, что тело шевельнулось.

– Отойди. Я сама. Нужно проверить пульс, – со знающим видом сказала девочка.

Однако, увидев вблизи руки этой странной бабки, она испытала нешуточный страх. Они были настолько уродливы, что Мила поняла – ничто и никогда не заставит ее прикоснуться к старухе.

– Женя!

– Я просто посмотрю. У нее что-то на шее блестит, – пробубнил мальчик.

Все, что произошло дальше, пронеслось в считанные мгновения. Но эти ужасные секунды безжалостными гарпунами впились в память девочки на всю оставшуюся жизнь.

Грязная костлявая рука схватила ногу Жени. Старуха подтащила ребенка к себе. Все это было сделано быстро, без лишних телодвижений.

В груди Милы рос ком. Он раздувался, мешал дышать.

Женя сначала даже не кричал. Он с трудом понимал, что вообще происходит. Истощенный вопль раздался лишь тогда, когда старуха приподнялась, деловито приникла к лицу мальчика и отгрызла ему нос.

Мила сглотнула комок. Ее зрачки расширились.

Ее брат вопил, ополоумев от ужаса и боли.

Старуха крепко прижимала его к себе. Со стороны могло показаться, что это обычная бабушка, подвернувшая ногу. Она всего-навсего обнимает своего любимого внука.

Мила даже не почувствовала, как по ее ногам побежал горячий ручеек мочи. На негнущихся ногах она шагнула назад, в спасительный кустарник.

Женя кричал не переставая, но старуха не думала его отпускать. Потом, теряя сознание, мальчик захрипел.

Старуха ела молча. Лишь на мгновение она оторвалась от детского лица, уже почти полностью лишенного кожи.

Хлюпая мокрыми губами, бабка открыла рот и прошипела:

– Помогите мне.

Глаза Милы заволочла бесцветно-мутная пелена, но вместо крика с ее губ сорвался тихий всхлип.

2 июля 2013 года, Кемеровская область, г. Каменск

Смеркалось. Июньская духота постепенно испарялась, асфальт, нещадно разогретый за день, неторопливо остывал. Город обволакивала прохлада. С запада подул ветер.

Старик болезненного вида, сидевший у входа в церковь, улыбнулся и блаженно прикрыл шелушащиеся веки. Его костлявое тело было облачено в истершиеся лохмотья. Сквозь прорехи виднелась грязно-желтая кожа. Исцарапанные босые ноги юродивого были черны от загара. Он сидел смирно, сдвинув худые коленки, словно чего-то ждал.

Захлопнулась дверь храма. Оттуда торопливо вышла последняя богомолка и наспех перекрестилась. Звякнула связка ключей – батюшка закрывал храм. Старик открыл глаза.

– Шел бы и ты, Артем, – пробасил отец Василий, бросив взгляд на застывшего старика. – Скоро дождь будет. Зарницы уже сверкают.

Старик молчал, слегка раздвинув иссушенные губы в блаженной улыбке. В сочетании с ясными, широко распахнутыми глазами слабоумного она зачастую вызывала тревогу у некоторых прихожан, но отец Василий знал этого нищего уже двадцать лет. Артем, или Тема, как его привыкли все называть, был безобиднее мухи. Все копейки, собранные за день, он молча раздавал другим нуждающимся.

Внезапно улыбка на лице старика померкла.

Отец Василий что-то буркнул и быстро зашагал прочь. Старик даже не посмотрел ему вслед. Его взгляд был прикован к фигуре, которая медленно приближалась к воротам церкви.

Ветер усилился. К грязным ногам Темы прибилась клок газеты, к которому прилип рыбий хвост. Старик машинально отодвинул его в сторону и настороженно посмотрел на пожилую, неряшливо одетую женщину, остановившуюся перед ним.

– Здорово, дед, – пробасила она. – У тебя курить есть?

Тема покачал головой. Его глаза остановились на правой руке странной женщины, точнее, на культе. Рукав несвежей рубашки был завязан узлом под самый локоть.

– А выпить? – снова спросила незнакомка.

Она хотела присесть рядом с юродивым, но тот неожиданно отпрянул назад и произнес дребезжащим голосом:

– Я тебя не знаю.

– Ну и что?

Старик покрутил носом – от нее разило потом и перегаром.

– Я тебя тоже первый раз вижу, дед. Я ищу кое-кого. Поможешь?

Тема молчал. Первая капля дождя упала на его лысину, покрытую коричневыми бляшками.

– Ты наверняка знаешь всех тут в округе, – продолжала женщина. – Я ищу одну девушку. Она очень красивая. Самая лучшая. Ты слышишь меня, старый пень?! – Она повысила голос, видя, что Тема потерял к ней интерес и сосредоточенно вглядывался в быстро густеющее небо.

– Эй, старик!

– Я не знаю. В этом городе много красивых девушек, – смиренно ответил Тема. – Как ее зовут?

– Если бы я знала! – Она фыркнула, очертив рот, в котором отсутствовало несколько зубов. – Ей где-то лет двадцать или около того. Так что?

Тема мельком взглянул на раздраженную женщину и сказал:

– У тебя плохие мысли. Уходи.

Однорукая баба хохотнула, но к ее злобе явно примешивался страх.

– Старое дерьмо! – Она плюнула в Тему и попала ему на колено. – Только время на тебя зря потратила. Ладно, сиди тут и воняй дальше. – Продолжая бормотать какие-то оскорбления, женщина поплелась в темноту.

Где-то за лесом загремел гром, но Тема даже не пошевелился. На его лице не дрогнул ни один мускул, когда сверху внезапно обрушился ледяной ливень.

Неприятная женщина давно ушла, но его не покидали мрачные мысли. Они, похожие на голодных крыс, поселились в его голове еще до рассвета, после ночного кошмара, и все это время терзали и кромсали детский, невинный мозг.

Он даже хотел подойти к бабушке и рассказать ему о своем сне и опасениях, но в последний момент раздумал. Кто поверит местному сумасшедшему?

Тема горько усмехнулся и вдруг с необычайной ясностью почувствовал, что отходит. Невзирая на холодный ливень, его тщедушное тело неожиданно стало покалывать, а внутри, где-то глубоко, возле сердца, стало тепло, почти горячо. Он откинулся на ступени, вытянул огрубевшие ноги.

Зло проснулось и вновь идет в их город через столько лет. Оно пока притаилось, но уже близко. Тема видел его во сне, из-за чего и закричал диким голосом, когда очнулся.

– Как жаль, – прошелестел он.

Договорить юридический не успел. Из его груди вырвался последний вздох, и очередная вспышка молнии отразилась в стекленеющих глазах.

Человек медленно брел по лесу. Он не видел, куда идет, да его это и не особенно заботило. Главное – подальше от этого огненного ада.

Он проснулся от жуткого воя тревожной сирены и сел на койке. Его ноздри уловили едкий запах гари. Человек потерял глаза. За дверью слышался шум, сквозь щели струился дым.

Внезапно дверь открылась, в комнату кто-то шагнул и чуть ли не силой выволок его на улицу. Человек моргал слезящимися глазами, оглядывался по сторонам, с трудом понимая, что происходит. Позади слышались чьи-то истошные вопли. В воздух взметались злые языки пламени. Искры неслись вверх, словно пытались достичь луны, но быстро гасли в ночной прохладе.

Прозрение наступило с этими оглушительными криками, которые иглами вонзались в барабанные перепонки. Человек заторопился к выходу. Перед глазами мелькали растерянные и напуганные лица незнакомых ему людей, но по-настоящему он видел перед собой только ворота.

Там уже была давка.

Он не помнил, как очутился снаружи. За спиной остались полыхающие здания, вой сирены и дикие крики безумцев. Перед ним лежала темная дорога, которая манила его.

Человек побежал, вначале неуклюже. Его качало из стороны в стороны и болтало как веретено. Но постепенно движения становились уверенней, поступь – решительней.

Вскоре он услышал вой сирен и встал у обочины, прерывисто дыша. Впереди сверкнули фары. Сюда ехали машины, много. Человек мягко шагнул в лес. Мохнатые ветви прошлись по его взмыленному телу, впустили в спасительный сумрак.

«Так будет надежнее. Никаких машин с сиренами!» – подумал он, продираясь сквозь чащу.

Лишь спустя час до него наконец-то дошло понимание всего происшедшего.

Он свободен!

«Да, но если ты будешь вести себя как идиот, то тебя снова поймают», – сказал человек сам себе.

Он шел дальше, в самую чащу. Когда уже рассвело, человек выбился из сил, наспех соорудил из веток кустарника примитивное ложе и тут же уснул.

Ему снилась мать. Она сидела напротив него и что-то рассказывала мягким, успокаивающим голосом. Ему всегда нравилось слушать ее. Как правило, это были добрые сказки из детства, теперь такого далекого. Мать положила теплые руки ему на плечи и говорила, говорила, говорила.

А он чувствовал голод. Жуткий, звериный. Слушал мать, глядел на ее красивые, ухоженные руки с необычайно нежной кожей и такими трогательно-розовыми ноготками, а его рот наполнялся слюной, густой и вязкой, как теплый сироп, только абсолютно безвкусный. Он смотрел на эти руки и представлял себе, как они выглядели бы без ногтей или без мяса.

Зрачки матери расширились. Она будто поняла мысли сына, и ее пальцы больно впились в плечи человека. Он застонал во сне, чувствуя, как слюна заполнила рот и стала стекать по подбородку.

Мать засмеялась, приникла к его лицу и принялась облизывать подбородок. Человек поперхнулся, увидев, что язык матери почему-то зеленый, покрытый какими-то мерзкими наростами. Ее пальцы все больше впились в плечи сына. Вскоре в его плоть погружались уже не ноготки, а громадные когти.

Когда он набрал воздуха в легкие, чтобы закричать, глаза матери сузились. Она задрала верхнюю губу и яростно зарычала.

Мужчина открыл глаза и увидел перед собой лохматую морду. Громадная собака нависла над ним, ощерила пасть и снова рывкнула.

– Саур, место! – хрипло крикнул кто-то, и пес с явной неохотой отошел.

– Поднимайся! – коротко приказал все тот же голос, и мужчина безропотно подчинился.

Он медленно сел и стал стряхивать хвойные иголки с рубашки, влажной от росы. Перед ним стоял приземистый мужик в засаленной камуфляжной куртке и болотных сапогах, густо облепленных грязью. Его крупные руки сжимали двустволку, заскорузлый палец лежал на спусковом крючке.

– Ты кто? – спросил он, подозрительно оглядывая пожилого мужчину в длинной бесформенной рубашке и шароварах.

Все было дырявое, как решето, и грязное до такой степени, что на этой рванине побрезговала бы свинья. Нездоровое землистое лицо, вымазанное слюной, под глазами тройные коричневые мешки, на слегка вытянутой голове обширная проплешина. Ключья седых волос, торчащие по бокам черепа, смахивали на кустарник, высушенный солнцем. Но егеря больше всего поразили глаза странного незнакомца. Они были похожи на два осколка слюды, едва мерцавшие в свинцовом неприветливом рассвете.

– Кто ты? – повторил мужик с ружьем. – Как здесь оказался?

– Я не помню, – последовал медленный ответ. – Я плохо себя чувствую. Мне нужна помощь.

– Руки за спину, – скомандовал мужик с ружьем. – А теперь шагай. Я егерь тутошний, так что закон представляю. Вздумаешь чудить – отстрелю яйца. Понял?

Губы старика тронула странная улыбка.

– Саур, рядом! – приказал егерь, и мастиф послушно метнулся к хозяину.

Спустя примерно полчаса вдаль показался небольшой дом, обнесенный крепким забором. Саур вопросительно посмотрел на хозяина, и тот кивнул на входную дверь. Пес встряхнулся. Когда егерь с незнакомцем прошли в дом, он улегся прямо у ступенек. Саур был всего лишь собакой, но ему очень не понравился человек, которого нашел в лесу его хозяин.

Они вошли в темную кухню.

Егерь указал мужчине на пустое ведро, стоявшее в углу, и распорядился:

– Переверни и садись!

Старик некоторое время молча смотрел на егеря, затем выполнил его указание.

На столе затрещала рация, торчавшая в зарядном устройстве. Егерь не обратил на нее внимания, хотя сквозь помехи было слышно, как кто-то надрывно вызывал Волну. Неторопливо прикурив от спички мятую сигарету, хозяин дома в упор посмотрел на незнакомца.

– Волна – это я, – счел необходимым пояснить он, выпуская изо рта кольцо дыма. – Меня Евгением Федоровичем кличут. Можно просто Федорыч. Теперь я внимательно слушаю. Мне кажется, я тебя раньше видел. Вот только где?

Старик равнодушно качнул головой.

– Так ты будешь говорить? У тебя имя-то есть?

– Я не помню, – выдавил тот.

– Ты дурак? Или в детстве уронили, голову ушиб? – Федорыч стряхнул пепел прямо на пол.

Незнакомец исподлюбья глядел на егеря.

– Волна, ответь Заре! – отчетливо зазвучал чей-то голос, но егерь продолжал игнорировать вызов.

Он узнал местного участкового, с которым постоянно держал связь. Евгений Федорович решил, что поговорит с ним, но сперва сам получит ответы на некоторые вопросы от этого чучела, появившегося неведь откуда.

Из уголка рта старика вновь потекла слюна. Федорыч безгласно поморщился – ну и тип!

– Давай так. Я уже, в общем-то, догадался, кто ты такой будешь. Ты не первый попадаешься мне в здешних местах. Будь спокоен, вернешься туда, откуда сбежал.

Федорыч вдруг умолк, заметив, как изменился старик. Тот вытер слюну, слегка пригнулся, узловатые пальцы медленно сжались в кулаки, зрачки-осколки блеснули. Егерь проследил за его взглядом, и ему стало неуютно. Старик упорно смотрел на длинный нож, который лежал на разделочной доске.

– Вернешься туда, откуда сбежал, говорите? – проворковал он, облизываясь, и тихо засмеялся, продолжая пожирать взглядом нож.

– Даже не вздумай, старый козел! – процедил егерь, поднимаясь с табуретки. – Только попробуй, и я всыплю тебе картечи.

– Отпустите меня, – вдруг сказал старик. – Я отвечу на все ваши вопросы, а вы мне разрешите уйти. Ладно? – Он заискивающе улыбнулся.

Егерь кашлянул, увидев почерневшие гнилые зубы.

«Хватит трепотни. Пора его сдать куда положено», – мелькнула у него мысль.

– Я не помню своего имени, – мягко произнес старик и пригладил беспорядочно торчащие клочья волос. – Но знаю, кем я был.

– И кем же ты был? – поинтересовался Федорыч, стараясь, чтобы его голос звучал насмешливо, хотя внутри почему-то стало холодно и тревожно.

В его голове наконец-то со скрежетом заворочались шестеренки, отвечающие за память. Мозг словно просвечивал сам себя в поисках нужных сведений. Он уже почти не сомневался в том, кто перед ним, но что-то мешало ему позвонить в полицию.

Он приподнял ружье на уровень бедер и спросил:

– Кем ты был? Сантехником? Учителем истории?

Старик снова улыбнулся, на этот раз так широко, что Федорыч невольно вздрогнул. Нет, это была даже не улыбка, а злобный оскал.

– Я веселю детей, – выплюнул он из себя. – Понимаете? Заставляю их улыбаться и смеяться. Я приношу радость в каждый дом.

Он говорил, не прекращая ухмыляться. У егеря мурашки бежали по коже. Уверенности ему придавало только ружье, заряженное крупной картечью.

– Впрочем, я умею веселить и взрослых. – Старик хаотично задвигал костлявыми руками, изображая жонглирование. – Многие из них смеялись так, что за животы хватались. Видите ли, Евгений Федорович, я клоун. Правда, немного болел в последнее время, но теперь в полном порядке и готов с новыми силами делать свою любимую работу. Я старый добрый клоун! Встречайте меня!

За дверью послышалось ворчание Саура, а пальцы Федорыча еще крепче сжали ружье. Все происходящее казалось ему бредом.

Между тем старик подмигнул и вдруг предложил:

– Позвольте мне взять вон тот нож, и я покажу вам фокус.

– Стоять! – заорал егерь.

Он вышел из вязкого транса и теперь был в ярости на себя за проявленную нерешительность.

Старик с улыбкой посмотрел на хозяина избушки и заявил:

– Кстати, я вспомнил свое имя.

– Заткнись! Повернись! Руки за спину! – проревел Федорыч, и тот покорно зашаркал ногами.

Когда егерь шагнул к нему, до него донеслись слова незнакомца:

– Меня зовут Артур Малы...

Фраза была прервана сильным ударом в затылок, который нанес ему хозяин сторожки. Старик беззвучно свалился на пол, задев ведро, которое, позвякивая, закатилось под стол. Егерь проводил его налившимися кровью глазами. Федорыча то трясло от гнева, то бросало в озноб.

– Артур! – прохрипел он. – Твою мать! Конечно. Как же я забыл?

Он присел над бесчувственным телом старика и пощупал пульс. Из раны на голове текла кровь, но ее было немного. Жить будет. Егерь снял с гвоздя моток веревки и быстро связал ему руки.

После этого он вытащил из-под стола бутылку мутного самогона, наплескал себе почти полный стакан и, не морщась, осушил его. Покрасневшие глаза Федорыча невидяще уставились в окно.

Разумеется, он видел этого психа. В тот день егерь и два охотника сидели в доме у Вадима Белякова – того самого участкового, который сейчас терзал рацию. Они отмечали его капитанские звездочки, мирно выпивали и с удовольствием закусывали.

По телевизору шел документальный фильм про так называемого Живодера, маньяка, который орудовал в Каменске лет пятнадцать назад. Эта передача не пришлась по душе собутельникам. Но перед тем как переключить канал, Федорыч увидел лицо серийного убийцы, который содержался в сумасшедшем доме.

Связанный старик, валяющийся в углу кухни, и был тем самым извергом.

Старик?

Егерь истерично хохотнул. Помнится, в программе говорилось, что на момент совершения зверских убийств этому подонку было чуть больше двадцати лет. Тогда он только что окончил какой-то институт. Значит, сейчас ему нет и сорока.

Он снова взглянул на Артура и потрясенно подумал:

«Бог ты мой! Да он лет на семьдесят выглядит!»

Его рука машинально потянулась к рации. Нужно сообщить Вадиму. Пускай едет сюда с нарядом и забирает это чудовище. Как только ему удалось сбежать из психушки?

Федорыч, он же Евгений Рамов, трудился в должности егеря уже двадцать четыре года. На его памяти было как минимум шесть побегов из дурдома. Он лично двоих задержал и сдал властям.

Теперь вот этот.

Егерь уже взял в руки рацию, как его пальцы разжались сами по себе.

– Не нужно никуда спешить, – сказал вслух Федорыч.

Рация снова завибрировала.

– Волна, Волна! – яростно вопил участковый. – Я Заря, прием!

Егерь взял рацию, нажал кнопку и тихо произнес:

– Волна на связи.

– Почему не отвечали? Как обстановка? – затараторил Беляков.

– Все в норме, – сказал Федорыч и посмотрел на тело, неподвижно лежащее на полу.

Кажется, он нашел верное решение.

– Волна, предельное внимание! Этой ночью в психиатрической больнице был пожар. Оттуда ушел особо опасный...

– Дмитрич, говори нормально! – не выдержал егерь. – Все равно нас некому подслушивать.

Несколько секунд рация монотонно потрескивала, потом раздался упавший голос участкового:

– Женя, из «Райского уголка» сегодня ночью ушел Живодер. Помнишь такого? Пожар только сейчас затушили. Ты слышишь?

– Да, – ответил Федорыч, чувствуя, как по спине побежали мурашки.

– У тебя все нормально? Я уже второй час докричаться не могу! – продолжал допытываться участковый.

– Мы с Сауром в лесу были, – твердо сказал егерь. – Обстановка нормальная, все под контролем.

– Он хоть и обколотый разными препаратами, но сам понимаешь. Сейчас весь лес прочесывают, из прокуратуры приехали. Репортаж сняли, прессы здесь больше, чем комарья. Ты понял меня?

– Да.

– Будь начеку, – устало проговорил Беляков, помедлил и добавил: – Конец связи.

Егерь вздохнул и отключил рацию. Несколько минут он неподвижно сидел, выстукивая крепкими пальцами дробь по грубо сколоченному столу, затем резко встал и отправился в комнату.

В старом комоде Федорыч нашел потрепанную записную книжку. Он судорожно перелистал ее. Сердце его учащенно забилося, когда из нее выпала визитка.

– Ну, старый пень, – пробормотал егерь, извлекая из кармана телефон. – Теперь пан или пропал!

Александр Пирогов с рассеянным видом играл в очередные стрелялки, хотя все эти технологии, позволяющие в полной мере ощущать себя главным героем сражений, ему давно осточертели. Как и сама жизнь, унылая и однообразная. При этом он все равно с тупым упрямством продолжал уничтожать виртуальных злодеев и освобождать галактики, захваченные ими.

Снизу доносились звуки телевизора. Мать обожала детективные сериалы и не пропускала ни одного из них. Отец был на работе. Александр хмыкнул. В последнее время папаша

редко появлялся дома, ссылаясь на загруженность. У сына частенько возникали мысли, что причиной отсутствия родителя, скорее всего, была какая-нибудь глупая шлюшка, а не отчеты с бизнес-планами.

Впрочем, он несправедлив к нему. Ведь если бы не батя, то Саша Пирогов, или Алекс, как называли его в школе и институте, сам ничего бы не достиг и уже давно Наверняка спился бы.

Игра уже начинала вызывать тошноту. Алекс оттолкнулся от стола, включил кнопку на подлокотнике инвалидного кресла и с тихим жужжанием выехал из комнаты.

Дом был огромный, но Алекс не чувствовал себя в нем уютно. Чтобы избежать одиночества, он устраивал всевозможные банкеты по поводу и без, которые зачастую плавно перетекали в затяжные пьянки. Одна из таких вечеринок чуть было не закончилась пожаром, но все обошлось. Родители прощали ему все. Еще бы, единственный сынок!

Отец, управляющий известным строительным холдингом, устроил Алекса генеральным директором небольшой дочерней компании. Алекс был вроде бы при деле – встречи, договоры, личный водитель, конечно, деньги, причем немалые. Но существовала и другая сторона медали. Алекс прекрасно понимал, что никто из деловых партнеров и подчиненных не воспринимал его персону всерьез, несмотря на мощное покровительство отца.

В лицо милые улыбки и подобострастные кивки, за спиной пренебрежительные смешки и шушуканье. Но хуже всего были сочувствующие разговоры о его инвалидности. Они просто вымораживали парня, доводили до иступления.

Ерунда, что с тех самых пор прошло около семи лет. Алекс никак не мог смириться с ситуацией. Он, здоровый и крепкий бугай, активно занимался бодибилдингом. На его накачанную шею вешались все девчонки института. Но в один проклятый день его угораздило превратиться в бесполезное бревно, которое не в состоянии самостоятельно сходить, точнее сказать, съездить в сортир. Про девчонок лучше и вовсе не вспоминать.

Тот день, когда он по вине Артура Малышева, этого свихнувшегося урода, грохнулся в колодезь, Алекс не забудет никогда ¹. Вот уже седьмой год двадцать шестого июня он с самого утра напивался в хлам, чтобы эти сутки прошли как можно быстрее.

Отец сделал все, чтобы их просторный и роскошный дом был необременительным и даже комфортным для Алекса. В этих целях ему по специальному заказу в Германии было изготовлено электрическое инвалидное кресло, везде установлены удобные пандусы. Первое время к инвалиду был даже приставлен специальный работник, но Алекс быстро освоил кресло-коляску и сам прогнал его.

Все это – супермодная коляска, пандусы и номинальная должность в фирме, подотчетной отцу, – вызывало у Алекса глухое раздражение, переходящее в ярость. Каждый пандус в доме будто гнусно ухмылялся и шептал: «Давай, дружок, прокатись. Ведь меня и установили тут ради тебя, убогого инвалида, никчемного человечка третьего сорта».

Друзей у него не было. Звонили ему в основном по служебным вопросам либо родственники. Поэтому сегодня, в субботу, 6 июля 2013 года, в два часа сорок семь минут пополудни он был несказанно удивлен. Его мобильный телефон разразился трелью, когда Алекс уже был в длинном коридоре.

Кто бы это мог быть?

Он развернул коляску и въехал в комнату. На дисплее мобильного светился незнакомый номер.

Пожав плечами, Алекс взял телефон и сказал:

– На проводе.

– Саша? – услышал он хриплый голос.

– Александр Пирогов, – отчеканил Алекс. – Кто вы? Я вас знаю?

---

¹ Речь идет о событиях, описываемых в романе Александра Варго «Дом в овраге» (Здесь и далее прим. авт.).

– Ты был со своим отцом на охоте у меня два года назад. Я вас на лису водил, помнишь? Евгений Федорыч я, егерь.

– Да, было дело, – наморщив лоб, сказал Алекс.

Конечно, он помнил. Собственно, охотились его отец с приятелем. Алекс беспомощно сидел в своей гребаной коляске, отхлебывал ром с колой и изредка обменивался фразами с водителем, специально оставленным рядом. Вспомнил он и егеря. Этот приземистый заросший мужик в драном ватнике больше смахивал на спившегося бомжа, чем на охранника лесных угодий. Интересно, зачем он ему понадобился?

– С какой целью звонишь, Евгений Федорович?

Егерь мялся, словно решая, стоит ли сообщать причину звонка или нет, и после паузы выпалил:

– Твой отец рассказал мне, почему ты стал инвалидом.

Осведомленность Федорыча не была для Алекса сюрпризом. О том, что с ним случилось, в Каменске и вообще в Кемеровской области знала каждая собака. Но эти слова больно хлестнули его.

– И что с того? – процедил он.

– В моем доме сейчас тот самый крендель, который сделал это с тобой. Чуешь, парень? В «Райском уголке», то есть в психушке, что в семи километрах от леса, сегодня ночью был пожар. Половина психов разбрелась. Он здесь, у меня, связанный.

Алексу показалось, что пол уходит у него из-под ног.

Он качнулся в кресле, чуть не выронил телефон и закричал:

– Что ты сказал?!

– Вынь тапки из ушей, – членораздельно произнес егерь. – Я узнал того мужика. Точнее, старика. Он не ахти как выглядит. Артур Малышев, правильно?

Алекс силился что-то сказать, но в его глотку будто натолкали стекловаты.

– Ты куда пропал, Саша?

– У него все тело в шрамах, и причиндалов промеж ног нет. Ему их в детстве отрезали, – наконец сказал Алекс, тяжело дыша. – Проверь, Федорыч.

– Я смотрел. Шрамы есть. А в трусы я к нему не полез. Уж больно он вонючий и грязный. Да ты не сомневайся, парень. Это тот самый.

– Что ты собираешься делать?

– А ты как думаешь?

– Не думаю, что ты просто решил похвастаться. Мы не друзья, даже не знакомые. Зачем ты мне позвонил? – спросил Алекс, приходя в себя.

Он, сын успешного бизнесмена, практичный и расчетливый человек, уже догадался о мотивах старого лесника, но хотел, чтобы егерь, жаждущий срубить легкого бабла, сам раскрыл свои карты и выдвинул конкретные предложения.

– Я уже хотел ментовку вызывать, но потом вдруг про тебя вспомнил, – как ни в чем не бывало сказал Федорыч. – Не будем терять времени. У меня на телефоне и так денег почти не осталось. Он тебе нужен?

– Кто, телефон?

– Ты что, тупой? – раздраженно спросил Федорыч.

– Фильтруй базар, старик! – жестко произнес Алекс. – Не забывайся.

– Лады, погорячился, – сбавил тон егерь. – Сам понимаешь, дело-то нервное. Я про Малышева. Так что?

– Я готов приехать за ним хоть сейчас, – тихо сказал Алекс.

Ему стало жарко. Он расстегнул непослушными пальцами ворот рубашки. Переломанный позвоночник стало покалывать словно руку, затекшую во сне.

– Тогда все очень просто, парень. Пятьдесят зеленых рублей, и он твой, – услышал он голос егеря.

– Пятьдесят рублей? Это что, полсотни штук баксов?

– Именно.

– А морда не треснет, Федорыч? – вкрадчиво спросил Пирогов. – Знаешь, что будет, если я сейчас в ментовку позвоню и расскажу, что ты мне тут предлагаешь?

– Знаю, – спокойно ответил егерь. – Да только я подумал, что такой парень, как ты, не будет этого делать. Поверь, Саша, полтинник – фигня для твоей семейки. Это как для меня копейка. У твоего папани одно ружье в два раза больше стоит, чем я прошу. Мне старость нужно встречать, пора на пенсию. Уже сил нет с браконьерами бодаться и психов разных отлавливать. Зато ты душу отведешь. Твой батя тогда мне в бане признался, что ты на этого суслика дюже сердитый. Вот я и по-думал!.. Он хоть и в плохой форме, но, судя по всему, живучий.

– Хорошо, – сказал Алекс и взглянул на часы. – Мне нужно время на сборы. Когда буду подъезжать, позвоню.

– Только одно условие, Саша. Мы просто поменяемся. Я тебе этого суслика, ты мне – денежку. Никаких судилищ в моем доме и его окрестностях ты не будешь устраивать. Лады?

– Лады. – Алекс улыбнулся, но эта гримаса скорее напоминала ухмылку насильника, затащившего в подвал малолетнюю кроху. – Хорошо, старый хрен, – прибавил он задумчиво, когда егерь уже отключился.

Хорош суслик, мать его. Сажал на кол людей, сдирал с них кожу.

Кулаки Алекса сжались с такой силой, что оставили на коже следы-полумесяцы от ногтей. Он вспомнил, как в свое время пытался найти людей, которые могли бы вытащить Малышева из психушки.

Алекс был готов отдать полжизни за то, чтобы припомнить этому гаду свой выпускной вечер! Но никто не хотел браться за столь рискованное дело. Живодера содержали под семью замками. Подступиться к нему было нереально даже за баснословные суммы, которые он был готов заплатить.

Теперь Федорыч волею судьбы подобрал Малышева. Ну что ж!.. Значит, так тому и быть.

Отдав кое-какие указания одному из охранников, Алекс сообщил матери, что поехал на вечеринку к знакомому. Отцу он звонить не стал и выкатился во двор.

Мать отвлеклась от сериала и молча смотрела в окно. Она наблюдала, как двое крепких сотрудников охраны помогали ее сыну загружаться в белоснежный «Ниссан».

Ее сердце кольнула тревога, когда она увидела, что второй крепыш также сел в джип. Стояло лето, но он был в куртке. Это означало одно: парень взял с собой оружие. Зачем Саше понадобился еще один телохранитель, если он поехал отдыхать и развлекаться?

– Куда? – коротко спросил Борис, бывший спецназовец со свернутым набок носом.

Он был за рулем, а Владимир, его партнер, сидел рядом с Алексом.

– Давай на трассу К-30, – приказал Пирогов. – Прокатимся в Заозерье.

«Полсотни штук захотел срубить, старичок? – подумал Алекс и хихикнул. – Конечно, никаких денег этому трухлявому пню я отдавать не собираюсь. Вместо пятидесяти тысяч долларов это чмо в драном ватнике получит... впрочем, всему свое время».

– Парни, тут такое дело. Мне нужно проучить кое-кого. Точнее, двоих, – поправился Алекс, снова вспомнив о Федорыче. – Вы просто стойте рядом, чтобы не было форс-мажора, а я все сделаю сам. Вы будете природой наслаждаться и свежий воздух нюхать. За эту работу и ваше молчание получите по две косых. Никто не должен знать, куда и зачем мы ездили. Идет?

Громили молча кивнули. Алекс знал, что они согласятся. Он не впервой прибегал к помощи этих парней, и все всегда было на высшем уровне.

Алекс вдруг засмеялся. Лица охранников при этом оставались бесстрастными, словно высеченными из камня.

– Да, кстати, – вдруг вспомнил Алекс, отсмеявшись. – По дороге заедем на хозяйственный рынок. Володя, вот список. Только все нужно сделать в темпе, понял? Времени у нас в обрез.

Владимир кивнул, взял из рук Алекса листок бумаги и пробежался глазами по строчкам, явно написанным впопыхах:

«Нож канцелярский. Гвоздодер, гвозди-сотки. Веревка. Скотч – 3 шт. Кусачки. Паяльник. Керосин».

На лице телохранителя не дрогнул ни один мускул. Две тысячи долларов – неплохая цена, чтобы не обращать внимания на закидоны сына босса.

Громадный джип быстро понесся по пустынной трассе.

Новость о том, что ночью в психиатрической больнице произошел пожар, быстро облетела весь Каменск. Виктор Боков, владелец небольшого адвокатского бюро, узнал об этом от подчиненных, но не обратил внимания на такую новость. Его мысли были исключительно деловыми.

Подъехав к школе за дочерью, он с удивлением узнал, что Свету забрала жена еще час назад.

– Прибежала вся дерганая, странная какая-то, Свету в охапку, даже ничего не сказала, – проговорила учительница и пожала плечами.

Виктор хотел позвонить супруге, но мобильник был разряжен. Слишком много времени сегодня прошло за телефонными переговорами. Он слегка встревожился, сел в автомобиль и помчался домой. По дороге Боков краем уха услышал по радио, что во время пожара из психушки сбежали многие клиенты.

Виктор заглушил мотор и, чувствуя нарастающую тревогу, почти бегом взлетел к себе на этаж. Он попытался открыть дверь, но она была заперта изнутри. Виктор, ничего не понимая, нажал на кнопку звонка и тут же услышал возню.

– Лена, открой! – сказал он, и дверь распахнулась.

Виктор замер с открытым ртом. Он с трудом узнал жену. Растрепанная, с белым, как полотно, лицом и расширенными глазами, она была похожа на сумасшедшую. В руке Лена сжимала громадный кухонный нож.

«Самый большой из всех, что у нас есть», – отметил Виктор.

– Лена, что с тобой? Где Света? – чуть ли не закричал он.

Женщина схватила его за рубашку и втащила в квартиру.

– Я звонила тебе, – задыхаясь, сказала она, посмотрела на нож и положила его на полку для обуви. – Как хорошо, что ты пришел.

– У меня телефон сел, – объяснил Виктор, снимая пиджак. – Я в школу и сразу сюда. Что с тобой?

– Ты разве не смотришь новости? – Лена явно растерялась. – Витя, я думала, ты все знаешь.

– Да что случилось-то?

– Живодер сбежал из больницы, – тихо сказала она, и ее красивые глаза наполнились слезами.

Виктор, ошарашенный такой новостью, обнял всхлипывающую жену.

«Живодер? Как сбежал?» – застучало в его мозгу.

– Ты уверена?

– По телевизору только об этом и говорят! Я как узнала, сразу побежала за Светкой, – глотая слезы, проговорила Елена.

Виктор крепче прижал к себе жену. Он и сам кинулся бы за дочерью, хотя с того дня прошло семь лет. Пусть от «Райского уголка» до Каменска более тридцати километров. Не важно, в каком сейчас состоянии Артур Малышев, тот самый Живодер, который семь лет назад шокировал всю страну.

– Где Света?

– В своей комнате. Я пока ей ничего не сказала, но она, конечно, понимает, со мной не все в порядке. Придется что-то объяснить, но боюсь, не выдержу, – виновато сказала Елена.

Она заметно успокоилась. Ее худенькое лицо начало розоветь. Лишь изгибающийся шрам ярче обычного белел на правой щеке.

Глядя на него, Виктор чувствовал, как внутри у него все закипало от ненависти к Малышеву. Ведь именно из-за этого ублюдка они потеряли второго ребенка. Елена, разбуженная бесконечными кошмарами, до сих пор постоянно вскакивает посреди ночи и несется проверять Свету, их любимую дочь. Будь его воля, Виктор самолично отрезал бы от Малышева по кусочку, как можно дольше растягивая смерть извращенца.

Он отнес нож на кухню, аккуратно вставил его в деревянный держатель и зашел в комнату Светы. Девочка увлеченно рисовала фломастерами, постоянно поправляя золотистый локон, падающий на лицо. Виктор невольно залюбовался дочерью.

Света подняла голову, улыбнулась и сказала:

– Папа, привет! А меня мама почему-то раньше забрала.

– Все хорошо, котенок. Просто у меня сегодня дела были. Я маму попросил, а она время перепутала, – соврал отец.

Про себя он понимал, что это не самый лучший вариант, но говорить правду семилетнему ребенку сейчас не стал бы даже под дулом пистолета.

– Покажешь потом рисунок?

– Конечно!

Боков прикрыл дверь и вернулся к супруге.

– Я думаю, нам нужно уехать, Витя. Пока эту тварь снова не поймали. Почему у нас нет смертной казни для таких нелюдей?! – воскликнула она, и ее голос снова задрожал.

– Успокойся. Я сейчас все узнаю.

– Я не останусь здесь, пока этот садист разгуливает на свободе! – Елена махнула рукой и ушла на кухню.

Виктор решил позвонить в городское управление, где пару лет назад занимал должность начальника. Новый шеф полиции был на месте. Спустя несколько минут Боков уже знал все подробности происшедшего. Да, новости были не слишком обнадеживающими.

Во время пожара территорию больницы действительно покинули более дюжины пациентов. Среди них оказался Артур Малышев, тот самый, который своими руками казнил как минимум восемь человек. Следователи были уверены, что на его счету были и жертвы, считавшиеся пропавшими без вести.

«Ты забыл приплюсовать к этим несчастным своего ребенка», – прошептал в его мозгу отвратительный голос, и Виктор даже вздрогнул – ему показалось, что это говорил Живодер.

Больше половины психов быстро нашли и вернули обратно. Собственно, бежали только четверо, в том числе и Малышев. Остальные просто вышли за пределы КПП и в растерянности топтались на месте, не зная, что делать дальше. Здесь их и застали сотрудники оперативных служб. Ближе к утру задержали еще двоих беглецов. Теперь в лесу болтались двое – какой-то двадцатилетний соплик и Малышев.

Виктор включил ноутбук и стал просматривать новостные ленты. Он поморщился. Как все-таки изошряются СМИ, стараясь выделиться из общей массы и шокировать общественность! Одни только названия чего стоят! «Последователь Чикатило выходит на кровавую охоту», «Возвращение Живодера», «Маньяк на свободе!»

По официальному сообщению пресс-службы следственного комитета, лесной массив в Заозерском районе полностью оцеплен под-разделениями спецназа. Все дороги перекрыты, а над лесом постоянно патрулируют два вертолета.

– Хрена лысого вы там все оцепили, – сказал Виктор.

Он хорошо знал этот лес, в свое время даже охотился там. Заозерский район – громадная территория, самая большая в области. За несколько часов перекрыть все входы-выходы просто нереально.

Вскоре выяснилось еще несколько любопытных подробностей. В частности, уже было установлено, что накануне пожара администрация больницы устроила вечеринку по поводу юбилея главного врача. Причины пожара уточнялись, но опыт Виктора сразу дал ему понять, что едва ли тут имело место случайное возгорание. Хотя бы по той причине, что на трупах медсестры и охранника были обнаружены ножевые ранения.

Боков представил себе картину: ночь, огонь, вопли, неразбериха. Вероятно, кто-то из сумасшедших решил воспользоваться суматохой и отомстить.

«Но это работа следствия. Она тебя не касается», – напомнил сам себе Виктор, вздохнул и заходил по комнате.

События той ужасной ночи не были навсегда похоронены в глубинах его сознания. Они снова всплыли наружу, прямо как распухший труп утопленника.

Тогда Малышев сбежал в первый раз. Как ему это удалось – известно одному богу. При побеге он серьезно ранил осколком стекла двух конвоиров, один из которых скончался до приезда «Скорой».

Виктор тогда еще занимал должность начальника управления. Ему позвонили, и он не мешкая помчался на место ЧП. Беременная жена осталась дома одна. Сколько раз Виктор потом проклинал себя за это! Но разве могло ему прийти в голову, что Малышев целенаправленно двигался к его дому?

– Лена, никому не открывай! – крикнул Виктор ошеломленной жене, быстро оделся и вылетел из дома.

Лена молча легла в постель. Ей стало страшно. Она хорошо знала своего мужа. Весь его вид говорил о том, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

Женщина с нежностью погладила тугой живот. Роды должны были наступить со дня на день. Все вещи, необходимые для этого, были давно собраны. Сумка стояла у двери в ожидании своего часа.

Елена мечтательно улыбнулась. УЗИ показало, что будет двойня, причем разнополая. Она уже придумала имена – Сережа и Света.

Мысли о детках успокаивали, отвлекали от тревоги. Женщина незаметно уснула.

Ей снилось море, ласковое и прекрасное. Она, Виктор и малыши загорали на теплом песочке. Сережа со Светкой заливались счастливым смехом, брызгали друг на друга водой.

Она проснулась от звона битого стекла, подскочила в кровати, прислушалась и позвала: – Витя?

Ответом ей была тишина.

Она свесила ноги с кровати, стала нащупывать тапочки и ощутила сквозняк.

Что там случилось? Разбилось окно?

Елена вышла в коридор и выглянула вниз. Так и есть, окно на первом этаже разбито. Осколки рассыпью лежали на ковре.

Ее охватил страх.

«Нужно срочно позвонить Вите, – мелькнула у нее мысль. – Но телефон остался внизу, на журнальном столике. Спуститься туда или запереться в комнате и ждать мужа? Это просто ветка. Дул сильный ветер, отломил ее», – попыталась успокоить себя Елена.

Она понимала, что выглядит идиоткой, заставляя себя поверить в столь неправдоподобную версию. Деревья снаружи стояли, но расстояние между ними и домом было весьма внушительным. Никакая ветка сюда не долетит, если только ее не бросить.

Пока она размышляла, телефон зазвонил сам. По мелодии Елена узнала, что это муж. Дисплей слабо мерцал в темноте. Женщина видела его, включила свет и стала спускаться.

Она не сразу заметила тень, мелькнувшую на кухне. До телефона оставалось не более трех шагов. Тут Елена услышала какой-то звук, обернулась и закричала.

На нее, трясая головой и визжа, неслось какое-то ужасное существо из ночных кошмаров. Елена отпрянула назад, споткнулась о столик, упала на него и накрыла своим телом телефон.

«Боже, мои дети!» – только и успела по-думать женщина, судорожно обхватив руками живот.

Над ней склонилось чье-то ухмыляющееся лицо.

– Вставайте, – прогундосило существо, при ближайшем рассмотрении оказавшееся мужчиной.

Худое лицо, покрытое каплями крови, было спокойным, но глубоко запавшие глаза излучали злобу. Волосы свалились от грязи. На этом типе почти не было одежды, только рваные тренировочные штаны. Сквозь широкие прорехи просвечивали худые ноги. Все тело мужчины было покрыто шрамами и свежими царапинами, из которых сочилась кровь.

– Вставайте, – повторил он. – У меня мало времени.

Елена замотала головой, с ужасом увидев серп, сжатый в правой руке незнакомца.

Он хмыкнул, схватил женщину за пышные волосы и резко поднял ее с пола. Елена закричала от боли. Страшный человек нестерпимо вонял смесью пота, мочи и крови.

– Где Виктор Боков?

– Я не знаю... – начала она.

Негодяй, не меняя выражения лица, взмахнул серпом. Правую щеку Елены пронзила острая боль. Женщина завопила.

– Еще раз крикнете, я помогу вам стать мамой досрочно, – пообещал мужчина, уткнув острие своего оружия в живот Елены.

Она замерла, хватая ртом воздух. Кровь из раны на щеке закапала на ночнушку.

– Кто вы? Я отдам вам все, что захотите, – выдохнула она.

Глаза мужчины оживленно блеснули.

Он хихикнул и сказал:

– Вы сходите со мной в цирк? Я давно там не был.

«Это он, тот самый Артур Малышев. Витя говорил о нем», – пронеслось в голове Елены.

Ее тело свело судорогой от одной только мысли о том, с какой целью этот монстр забрался в их дом.

– Так что с цирком? Вы, кстати, клоунов любите? – полюбопытствовал Артур.

Он слегка усилил нажим. Острое лезвие вспороло ночную рубашку и мягко вошло в кожу.

Елена вскрикнула.

– Они такие милые, эти клоуны. Хорошие. Веселые и добрые.

– Пожалуйста, я прошу вас, – взмолилась женщина, из глаз которой полились слезы. – Пожалейте, у меня будет двойня.

– Где Виктор? – нежно спросил Артур и не спеша повернул серп по часовой стрелке, увеличивая разрез.

На светло-голубой ночной рубашке женщины стало расти красное пятно.

– Я прошу вас, – шепотом произнесла Елена.

Она боялась смотреть вниз. Ей казалось, что Сережа и Света захлебывались собственным криком. Им передавалась эта нестерпимая боль. Они звали маму на помощь, а она стояла в

ночной рубашке перед этим чудовищем и могла только умолять о пощаде, пока в ее живот погружалось кривое лезвие.

– Где Виктор? – не унимался Малышев.

– Он скоро придет. Умоляю, не делайте мне больно. Если вам нужна я, то...

Артур весело расхохотался, не дав ей договорить.

Он убрал серп от живота Елены, лизнул кончик лезвия, подмигнул женщине и сказал:

– Не бойтесь, я не собираюсь вас насиловать. Мне это неинтересно. Хотите знать почему? – Не дожидаясь ответа, маньяк оттопырил драные штаны и уставился туда с неподдельным интересом. – Так я и думал. Помните ослика Иа? Что он ответил, когда Винни-Пух заявил, что у него нет хвоста? «Наверное, его кто-нибудь украл».

Остатки зловонных тренировочных штанов опустились, и Елена поняла, что ее сейчас вырвет. На месте гениталий красовалась какая-то бесформенная шишка багрового цвета размером с грецкий орех, похожая на зарождающуюся опухоль. Из нее торчал кусок трубки, из которой что-то капало.

– Наверное, и мое хозяйство кто-то украл, – задумчиво проговорил Малышев и присел, чтобы натянуть штаны.

Елена поняла, что другого шанса у нее не будет, шагнула вперед и со всего размаха ударила его ногой в лицо. Тапка при этом слетела, не смягчила удар, и пальцы полыхнули болью.

Малышев хрюкнул и завалился назад, дрыгая в воздухе голыми ногами. Елена стремглав кинулась к двери. Ее взор был устремлен на ключ, торчащий из замка, от которого сейчас зависела жизнь как минимум троих людей. Если ей удастся выбраться наружу, она забежит за дом, к сараю. Там есть топор!..

Елена уже почти добежала, как ее живот скрутила такая боль, что она охнула и опустилась на пол.

«Детки, милые мои лапочки, помогите мне!»

Артуру наконец-то удалось подняться на ноги. Он исподлобья посмотрел на женщину, ухмыльнулся и полностью избавился от своих лохмотьев.

Елена со стоном поднялась на колени и вдруг увидела кровь на полу. Она приподняла ночную рубашку и с трудом подавила очередной крик – кровь текла из промежности. Похоже, начались роды.

– Это было очень непродуманно с вашей стороны, – подал голос Артур. – Во-первых, вы сделали мне больно.

Елена плакала и ползла к двери. До нее оставалось всего ничего. За ней тянулся влажно-красный след. Живот, казалось, раздулся до невероятных размеров. Она чувствовала, как малыши вовсю толкались, требуя выпустить их наружу.

– Во-вторых, вы все равно никуда не убежите от меня с таким животом, – продолжал Артур, шаркая ступнями.

Он наступил на кровь и снова хихикнул, увидев на ковре красный отпечаток своей голой подошвы.

– Помогите! – взывала Елена.

Она была уже у двери и тянула руку к ключу, как серп воткнулся в дверь. Сталь перерубила фалангу ее среднего пальца и глубоко, до кости разрезала безымянный.

– В-третьих, вы подкинули мне одну интересную идею, – как ни в чем не бывало сказал Артур.

Голый, перепачканный грязью, весь в шрамах и ссадинах, с багровой шишкой вместо гениталий и мокрыми от слюны губами, он был похож на что угодно, только не на человека.

– Помогите, – прохрипела Елена.

Ее мозг заволакивала пелена, а низ живота горел так, словно на него плеснули кислоты.

Артур поднял с пола отрубленную фалангу пальца и внимательно осмотрел ее, вертя как диковинную вещь.

– Красивый маникюр. Вы сами себе его делаете? – Он кинул обрубок в рот, пососал и выплюнул. – Я видел у вас баню. Там, во дворе. Уверен, что ее построил Виктор. У него золотые руки, – сказал Малышев. – Вы любите копченое мясо, а? – Он присел на корточки перед Еленой, которая елозила ногами в собственной крови. – А я обожаю. Я запеку вас на углях как свинку. И ваших поросят. Они будут готовиться прямо внутри вас, в духовке. Две такие аппетитные пропеченные сардельки. А потом я покушаю. Думаете, там, где меня держали, нормальная еда? – Садист брезгливо поморщился и закрутил головой. – Нет, там кормят отвратительно. Безвкусные пресные каши. Вы когда-нибудь пробовали жеваную бумагу? А вот меня в школе иногда кормили ею одноклассники. – Он открыл дверь, с наслаждением подставил голое тело ночному воздуху, потом повернулся к Елене и намотал на кулак ее волосы. – Позвольте вас пригласить в сауну, милая дама, – ласково сказал Артур и потащил извивающуюся женщину на улицу. – Веселая компания, уютная обстановка, шампанское, бассейн!.. Что может быть лучше?

Елене удалось зацепиться руками за дверной косяк. Закусив до крови губу, она держалась из последних сил. Малышев нахмурился, наклонился и сильно ударил ее в голову. Елена потеряла сознание.

Виктор мог только предполагать, что произошло дальше. Он сопоставил все факты и пришел к выводу, что с момента ухода отсюда Живодера прошло не более часа.

Увиденная картина повергла его в ступор. В доме разгром, весь первый этаж забрызган кровью так, словно там резали скот. Их свадебная фотография, висевшая на стене, была разбита. В ее центре торчал серп.

Лена в беспамятстве лежала у бани. Она тяжело и прерывисто дышала, сжимая и разжимая пальцы. Виктор заметил отсутствие фаланги и закусил губу.

Он тут же вызвал «Скорую» и принялся оказывать жене первую помощь. Лишь спустя минуту до него дошло страшное. Живот исчез. Как он этого сразу не заметил?!

Где дети?!

Он поднялся на ноги, растерянно оглядываясь по сторонам.

Вскоре примчала «Скорая». За это время Виктор словно безумец облетел всю округу, заглядывая под каждый куст. Тщетно, никаких следов малышей. Надежда на то, что они остались живы, таяла на глазах. Рядом с баней он нашел таз с окровавленными тряпками и понял, что роды произошли прямо на улице.

Он уже догадался, что здесь был Малышев, и теперь ненавидел себя за то, что оставил Лену одну.

«Скорая» увезла его жену в критическом состоянии. Она потеряла много крови. Спустя несколько минут прибыл наряд с кинологами, и собака тут же взяла след.

Когда Артура нашли у реки, просветы в верхушках деревьев медленно розовели, становились алыми. Просыпалось солнце.

Он сидел, сгорбившись, глядя на ключья тумана, которые ветер гнал над рекой. Раны, покрывавшие его тело, казались черными.

Увидев Виктора, Малышев жалко улыбнулся и сказал:

– Доброе утро.

Он снова был обычным парнем. Тихоней, неудачником, который выглядел растерянным, словно не понимал, кто он и как вообще тут очутился.

Рядом с ним стояла корзинка, из которой торчали тряпки. Виктор первым делом кинулся к ней. Оттуда послышался слабый писк. Ребенок был один. Девочка.

Троим крепким парням в погонах с огромным трудом удалось удержать Виктора, который, рыча, рвался к Живодеру, пока его заковывали в наручники. Маньяк не оказал никакого сопротивления, его худое грязное лицо было безмятежным, даже слегка удивленным, совсем как у ребенка. Он только пожаловался полицейским, что замерз и устал.

К счастью, со Светой все оказалось в порядке. Она родилась абсолютно здоровой. Малышев ничего не успел с ней сделать.

Что касается Сережи, то безуспешные поиски продолжались еще несколько дней. Малышев на допросах молчал, изредка снисходительно улыбался. Через пять суток Виктор смирился, но и представить не мог, как скажет об этом Елене.

«Живодер сидел на берегу реки. Он мог выбросить малыша в воду, выронить его из корзинки, пока бродил в чаще, а в наших лесах недостатка в лисах или волках никогда не было». Такие вот мысли переполняли уставший мозг Виктора.

В тот же день он краем уха услышал, что Малышеву собирались прозондировать желудок, и содрогнулся. Виктор с трудом мог себе представить, что это шуплое, кошмарное создание с умиротворенным взглядом способно на еще более мерзкий поступок.

«Обследуемый не принимал пищу в течение последних суток». Таков был результат, но Виктора он не успокоил.

Сережа пропал, едва родившись. Его не видели ни мать, ни отец, вообще никто. Единственным свидетелем появления мальчика на свет наверняка был Артур Малышев. Маньяка вновь поместили в психиатрическую больницу, хотя после этих событий по Каменску прошла волна стихийных митингов. Разъяренные горожане требовали казнить Живодера.

Елена не скоро пришла в себя, вообще чудом осталась жива. Она-то и рассказала, что собирался сделать с ней психопат в ту страшную ночь. Виктор потом обнаружил у сарая приготовленные дрова. Живодер и в самом деле планировал топить баню, но что-то помешало ему. Как бы то ни было, он принял роды у Елены, после чего ушел в лес с корзинкой, в которой потом нашли Свету.

После долгого лечения врачи были вынуждены признать, что Елена из-за полученных повреждений больше никогда не сможет иметь детей. Это было двойным ударом, но даже физические увечья, полученные ею в ту ночь, не могли сравниться с потерей сына.

Как-то она с грустью сказала, что лучше бы не делала УЗИ.

– Я бы думала, что ношу под сердцем одного ребенка, – призналась женщина. – Понимаешь? А так постоянно думаю об этом.

Однако время лечит даже самые глубокие раны. С годами Боковы смирились с горем. Света росла чудесной, умной не по годам девочкой, и родители глаз с нее не спускали. Обсуждение той ночи было под строжайшим запретом.

Хотя Виктор часто кусал губы, ворочался от бессонницы и втайне желал еще раз встретиться с Малышевым. Один на один, на узкой дорожке. Лучше на мостике.

Жизнь шла своим чередом. Жители Каменска постепенно успокоились.

Артура бесконечно возили на какие-то экспертизы, утроив охрану. По его душу собирали консилиумы, но он вел себя смирно. В конце концов страсти улеглись, и Малышева тихо спровадили в «Райский уголок».

Виктор заглянул на кухню. Елена стояла у плиты и что-то меланхолично помешивала в кастрюле. По ее вздрагивающим плечам он понял, что она плачет, стиснул зубы и вышел.

«А не присоединиться ли мне к поиску?» – неожиданно подумал Виктор.

Его взгляд упал на сейф, вмонтированный в стену. Там хранился наградной пистолет и две обоймы патронов.

«Почему бы и нет. Только на этот раз никаких психушек с клизмами и сиделками. Только ты и я».

Федорыч места себе не находил, ожидая Алекса. Он и предположить не мог, что из-за этого Малышева всколыхнется не только Каменск, но и весь регион. Стараясь унять дрожь, егерь бесцельно ходил из угла в угол, ежеминутно глядя в окно.

Полчаса назад у него были трое оперативников с собаками и почти дюжина рослых солдат. Все вооружены, с рациями, лица сосредоточенные, сапоги забрызганы грязью. Собаки заливались хриплым лаем, пытались вырваться и броситься на Саура, который грозно рычал в ответ. Егерь моментально покрылся ледяным потом. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы его ложь выглядела убедительной.

Мол, не знаю. Не видел. Да, буду осторожен.

К тому времени нашли еще одного сбежавшего психа. Старший поисковой группы перед уходом сообщил об этом Федорычу.

Теперь все силы были брошены на поиски Малышева, который был связан и лежал в сарае Федорыча с кляпом во рту. Егерь даже боялся подумать о том, что будет, если вскрыется правда.

Когда все ушли, он вытер взмокший лоб. Только сейчас Федорыч осознал, во что вляпался, и уже жалел о том, что не сдал Живодера в полицию. Но отступить было некуда. За содеянное ему светил реальный срок, а провести остаток жизни в вонючем бараке, хлебная баланду, никому не хочется. Душу егеря грели лишь мысли о деньгах, которые вот-вот привезет Пиров-младший.

На всякий случай он положил на стол заряженное ружье, после чего включил старенькое радио и сел ждать Алекса.

Начинало темнеть.

Они приехали около десяти вечера. Алекс злился. Из-за поисков маньяка были перекрыты все дороги. Их долго не хотели пускать. Но Владимир узнал в одном из полицейских бывшего сослуживца, и тот разрешил им проехать.

Правда, теперь хмурился Владимир. Учитывая наличие свидетелей, затея Александра стала казаться ему довольно рискованным мероприятием.

Он посмотрел в сверкающие ненавистью глаза Алекса и отвернулся. Такой ни перед чем не остановится. Даже с парализованной спиной он поползет к своей жертве, если у него отнимутся руки, схватит ее зубами и будет грызть, пока она не испустит дух.

Метров за двести до избушки егеря джип остановился. Путь преграждало поваленное дерево.

– Нужно было кроме паяльника бензопилу купить, – попробовал пошутить Борис, но Алекс посмотрел на него таким испепеляющим взглядом, что тот сразу умолк.

– Вытаскивайте меня! – скомандовал он. – Тут рядом.

– На коляске в этих дебрях не поездишь, – заметил Владимир.

– Да уж, – буркнул Алекс, осматриваясь. – Ну что ж, тащите так.

Пыхтя от натуги, мужчины понесли коляску. Пакет с покупками лежал у Алекса на коленях.

Наконец впереди мелькнул огонек. Спустя несколько минут охранники, пыхтя от напряжения, поставили коляску с сыном своего шефа перед воротами.

– Почему так долго? – негромко спросил Федорыч.

Он изо всех сил пытался держаться уверенно, хотя буквально трясся от страха и злости. За его плечом висела двустволка.

– По кочану, – бросил Алекс. – Где он?

– В сарае.

– Пошли.

Федорыч не двинулся с места, лишь со свистом выпустил сквозь зубы воздух. Он догадывался, что инвалид Алекс приедет не один. Но эти два мрачных типа пугали его не на шутку.

– Деньги вперед, – сказал он, стараясь придать голосу решимость.

Алекс засмеялся и заявил:

– Федорыч, ты ведь меня и моего папаню знаешь. Я кидаловом никогда не занимался. И потом, я же точно не знаю, кто у тебя там. Может, ты мне бомжа какого-то покажешь? Нет, так дело не пойдет. Деньги только за товар, дедуля.

– Что это у тебя? – Федорыч не слишком чистым пальцем указал на плотный пакет, лежавший на коленях у Алекса.

– Сюрприз для моего друга детства, – хохотнул инвалид.

Федорыч насупился и сказал:

– Ты мне обещал, что увезешь его из леса. На этом наши дорожки разбегаются. У меня уже были сегодня менты. Я хочу побыстрее с этим покончить.

– Федорыч, что ты так нервничаешь?! – воскликнул Алекс. – Давай уже, веди нас, я сгораю от нетерпения! Не бойся, я тебя не обижу!

Глаза Алекса хищно блеснули, но егеря этого не заметил. Поразмыслив, он кивнул и направился в сторону сарая.

– Борис, останься у ворот. Прикроешь, если что, – вполголоса сказал Алекс, и тело-хранитель молча исчез в сумерках.

Федорыч включил свет. Владимир помог Алексу преодолеть порог. Внутри царил беспорядок. В углу сидел Малышев. Голова его свешивалась на грудь, из мокрого кляпа тянулась струйка слюны.

Алекс замер, уставившись на него, потом немного проехал вперед. Его движения были довольно неуклюжими, даже робкими. Шины мягко шуршали по опилкам и стружкам.

– Вынь у него кляп, – обратился он к охраннику.

Владимир вытащил тряпку изо рта Артура. Тот открыл глаза, и Пирогов непроизвольно дернулся, будто получил разряд тока.

– Это ты? – спросил он. – Твою мать!

– Добрый вечер, – с трудом ворочая языком, проговорил Малышев. – Я вас знаю?

Алекс пристально разглядывал его и поражался. Это был тот самый человек, из-за которого он решился на такой риск, и в то же время совсем другой. За каких-то семь лет Артур превратился в высохшую воблу с восковым лицом, морщинистым настолько, будто его кто-то долго жевал, а потом выплюнул.

– Конечно, знаешь, – процедил Алекс, придя в себя. – Если не помнишь, я помогу тебе. – Он громыхнул пакетом.

– Эй, Саша, – окликнул Алекса егеря.

– Ты мне не эйкай, – окрысился тот. – Будешь кобылу так звать, понял?!

Облизав пересохшие губы, Федорыч снял с плеча ружье. Владимир весь подобрался.

– Давай деньги, малец. Я свое дело сделал. Теперь твоя очередь. Забирайте это чучело и валите отсюда.

Алекс захохотал.

– Ты и вправду надеялся, что сможешь заработать на этом? Тогда ты еще глупее, чем я думал.

– Деньги, – повторил егеря, взводя курки. – А ты, бугай, уйди в сторону и держи руки так, чтобы я их видел. Не заставляй меня грех на душу брать.

Владимир неохотно подвинулся на полшага влево, и в этот момент снаружи раздался визг Саура. Федорыч с недоумением повернул голову, и в ту же секунду Владимир коршуном бросился на него. Ухватившись за ружье обеими руками, он резко дернул его в свою сторону. Телохранитель с силой ударил Федорыча лбом и расплющил ему нос. Раздался хруст, брызнула кровь. Хозяин сторожки обмяк и мешком свалился на земляной пол рядом с Артуром.

– Свяжи его, – приказал Алекс, доставая из пакета моток веревки.

Владимир, секунду помедлив, принялся за дело.

– Что вы делаете? – спросил Артур, до этого с интересом наблюдавший за происходящим. – Зачем вам это?

– Узнаешь, – бросил Алекс.

У него чесались руки начать то, ради чего он совершил такую долгую поездку. Инвалид вытащил из пакета гвозди, кусачки и бутылку с керосином. Малышев смотрел на эти предметы, раскрыв от удивления рот, и Алекс чуть не захохотал, хотя, признаться, ему было не смешно. Напряжение, притаившееся внутри с самого начала поездки, вдруг выплеснулось наружу. Сейчас его нервы дрожали как струны, готовые вот-вот лопнуть. Но отступать было поздно.

– Пожалуй, для начала я вырву у тебя все ногти, – произнес он, щелкнув в воздухе кусачками. – Потом займемся зубами. Хотя, гляжу, там не так уж много работы. Далее я возьму паяльник...

– Извини, что перебиваю, – прервал его Владимир.

– Что?..

– Нужно проверить, почему визжал пес.

– Там Борис.

– Вот именно. Он позвонил бы, если бы что-то произошло, – сказал охранник.

– Тогда сам свяжись с ним! – раздражаясь, крикнул Алекс.

– Он не отвечает.

– Вы хотите вырвать мне ногти? – неожиданно вмешался в их разговор Артур, не сводя замороженного взгляда с кусачек. – Но ведь это больно. Не надо!

– Конечно, – закивал Алекс. – Еще как больно, козел. А еще больней рухнуть в колодец и сломать себе спину, как это ты устроил мне семь лет назад.

– Шеф... – начал Владимир, но Алекс не дал ему договорить.

– Отстань! – заорал он. – Вали наружу и жди меня там. Здесь ты больше не нужен!

– Но...

– Я сказал! Бери фонарь и шлепай к напарнику. Не заходите сюда, пока я не позову, ясно? – Алекс покрутил в руке гвоздь. – У нас много общих тем с Артурчиком, правда?

– Наверное. – Малышев улыбнулся, глупо хлопая глазами. – Только я вас не помню. Не надо мне ногти вырывать. А гвоздь вам зачем?

– Нам нужно уезжать отсюда, – твердо сказал Владимир и вынул пистолет. – Мне здесь не нравится.

– Знаешь, мне тоже, – сказал Алекс. – Но я не уеду, пока не верну должок моему другу детства. Ты сам видел, там все перекрыто. Я не повезу этого психа в город. Нас сразу запалят.

Владимир включил фонарь и вышел, не говоря ни слова.

Алекс еще немного покрутил в пальцах гвоздь.

«Пора с этим заканчивать, – решил он. – Владимир прав, здесь опасно долго оставаться».

Он вплотную приблизился к Малышеву и сказал:

– Что, теперь ты не такой смелый?

Артур ничего не ответил, продолжая преданно заглядывать в глаза инвалиду, сидящему в коляске.

Пирогов протянул руку с кусачками и ухватил нижнюю губу Малышева. Связанный человек не оказывал никакого сопротивления. Кусачки сжались, с легкостью рассекли плоть, и сарай заполнил надрывный вопль.

– Это только начало, – прокричал Алекс.

Он сделал еще один надрез, выворачивая кусачки. На его руку попали капли крови, брызнувшие из раны.

– Не надо! – Артур замотал головой.

Он плакал, изуродованная губа тряслась как бахрома. Кровь заливала впалую грудь.

– Я про паяльник совсем забыл, – сказал Алекс. – Интересно, есть ли тут розетка? – Он закрутился на коляске.

Тут егерь открыл глаза и проскрипел:

– Парень, остановись.

Алекс не обратил на него никакого внимания. Обнаружив розетку над верстаком, он вытащил из пакета паяльник.

– Я сказал своей сестре, что собираюсь сделать, – выплюнув кровь, произнес Федорыч, черные глаза которого с ненавистью смотрели на инвалида. – Если я не позвоню ей до одиннадцати вечера, она сообщит в ментовку. Тогда тебе хана.

Алекс на мгновение остановился, бросил беглый взгляд на часы и спросил:

– Считаешь себя сильно умным, да?

– Говорю как есть.

– Допустим, ты прав, – подумав, сказал Алекс. – Сейчас без пятнадцати одиннадцать. Если ты не соврал, у тебя есть два выхода.

Его глаза снова сверкнули бешеным весельем, и егерь заерзал на полу. Этот сынок местного богатея такой же сумасшедший, как и тот тип, которого он сегодня нашел в лесу.

– Первый такой: я грею паяльник и засовываю его тебе в задницу, – нараспев произнес Алекс. – Я буду держать его там до тех пор, пока ты не позвонишь сестре и не отменишь свое ценное указание. Уверен, четверти часа хватит, чтобы ты определился, старый козел.

Федорыч хрюкнул, сглотнул кровь, попавшую в горло.

– Ты что-то сказал? – спросил Алекс. – А то могу предложить второй вариант. Я прямо сейчас отправляю человека в гости к твоей сестричке. Он привозит ее сюда. Она окажется рядом с тобой, здесь, в этом сарае. Согласен?

Егерь закашлялся, пытаясь приподняться. Он силился что-то сказать сквозь кашель, и тут раздался выстрел. Потом еще один.

– Что еще за хрень? – Алекс сдвинул брови и озадаченно посмотрел в окно.

– Развяжи меня. Мне не нужно денег. Уходите, – прохрипел егерь, дергаясь на полу.

– Заткнись, – приказал Алекс.

Через мгновение в сарай влетел Владимир.

– Уходим, – с шумом выдохнул он.

– Какого черта? – недовольно поинтересовался Алекс. – Это ты стрелял?

– Я его не нашел, но там везде кровь. Пса кто-то убил. Нужно уходить, – отрывисто сказал охранник.

Алекс тупо взглянул на паяльник, пышущий жаром в его руке, потом на Федорыча.

– Ладно. Заканчивай с этим мухомором, и поехали. Ты мне поможешь с этим. – Он показал паяльником в сторону хнычущего Артура. – Возьмем его с собой. Придется рискнуть.

Владимир посмотрел на Пирогова как на слабоумного и сказал:

– Хочешь замочить старика – бери ствол и делай это сам. Я не убийца.

Алекс побагровел. Он не привык к такому обращению.

– Ты забываешься.

– Я просчитываю ситуацию, – проговорил Владимир. – Моего напарника нет. Мне кажется, он убит. В одиночку я не смогу тебя тащить к машине.

– Почему бы тебе... – начал было Алекс, но его фразу заглушил вопль.

Артур катался по земляному полу, задрав окровавленное лицо, и кричал. Федорыч, глядя на него, тоже испуганно заскулил.

– Вы тут все чокнулись? – Алекс издал нервный смешок, медленно повернул голову в направлении окна и застыл.

«Галлюцинация!»

Это было первое, что пришло ему в голову.

Сквозь грязное окно на них пялилось раскрашенное лицо клоуна. Глаза по очереди подмигивали, щеки терлись по стеклу, оставляя на нем грим, бордовый рот кривился глубоким разрезом.

Артур опять завыл, перевернулся на живот и иступленно бился головой об пол.

Владимир выстрелил, но за долю секунды до этого голова клоуна скрылась. В середине окна появилась дырочка, пустившая во все стороны лучики-трещины.

– Кто это? – севшим голосом спросил Алекс.

От испуга он выронил паяльник, и тот упал ему на ноги. Раскаленное жало зашипело, расплавив брюки и кожу, но парализованные ноги Пирогова не чувствовали боли.

– Закрой дверь! – провизжал он.

Владимир бросился к створке.

Ноздри Алекса уловили запах паленой кожи, он посмотрел вниз, завопил и скинул паяльник на пол.

– Он наконец-то пришел, – захлебываясь, проговорил Артур, который немного успокоился и напряженно вглядывался в разбитое стекло. – А я-то думал, все кончилось.

В ту же секунду окно сарая брызнуло сверкающими осколками. Какой-то предмет глухо ударился о стену, отскочил, словно мячик, и со стуком покатился по полу. Владимир инстинктивно попятился назад, когда рядом с его ботинком оказалась голова Бориса. Мутные глаза безразлично пялились на испуганного напарника, рот был разъявлен в ухмылке, в прокуренных зубах зажат красный помпон.

– Он пришел, – снова закудахтал Артур.

– Закрой пасть! – проревел Алекс.

За окном что-то зашуршало.

– Развяжите меня! – взмолился Федорыч, бледный, как бумага. – Пожалуйста!

– Дверь! – рывкнул Алекс, и Владимир шагнул к выходу.

В следующий миг все услышали странное потрескивание, после чего в окно полетели крошечные шарики. Искрясь ярко-оранжевым пламенем, они стали поочередно взрываться, наполняя сарай дымом. Алекс вскрикнул.

«Петарды! – промелькнуло в голове Владимира, который сразу понял, что особого вреда от детской пиротехники не будет. – Но что это за чушь? Кто этот идиот в клоунской маске?»

Пока он соображал, в окно с тихим шипением влетел пламенеющий сверток и мягко приземлился на дощатый пол.

– Туши! Скорее! – завизжал Алекс, ошалев от страха.

От свернутого тряпья вздымалось пламя, касающееся жадными языками его туфель и брюк.

Владимир скинул пиджак, бросил его на пылающие тряпки и принялся затапывать огонь. Алекс завопил благим матом и включил заднюю скорость. Инвалидная коляска зажужжала, покатилась, но тут же со стуком ударилась в стену.

Во время возни никто не заметил, как в дверном проеме появилась какая-то фигура. Голубоватый свет луны отбросил на пол сарая сгорбленную тень. Человек неслышно шагнул вперед и встал за спиной охранника.

Когда с огнем было покончено, Владимир начал подниматься. Тут же что-то огромное, острое с силой вошло ему наискось в шею и разрубило позвонки. Телохранитель вздрогнул, попытался рукой зажать глубокую рану и получил еще один удар в спину.

Глаза умирающего человека скосились в сторону верстака. Там он оставил пистолет, пока тушил огонь. Непозволительная беспечность. Владимир закашлялся, захлебываясь кровью. Странно, но он почти не чувствовал боли.

– Володя?.. – испуганно залепетал Алекс, отчаянно протирая слезящиеся глаза.

– Привет, малыш, – услышал Владимир жаркий шепот, приложил последние усилия и немного приподнял голову.

Над ним нависало что-то невообразимое. На этом существе был халат, забрызганный кровью, и кожаный мясницкий передник. На голову нахлобучен длинный колпак, украшенный красными помпонами и блестками. Полусогнутые ноги и непомерно длинные руки делали жуткого гостя похожим на обезьяну. В левой руке он держал мачете, залитое кровью.

– Не надо, – прохрипел Владимир.

– Володя! – заныл Алекс. – Кто это? Я ничего не вижу.

Спертый воздух сарая в третий раз рассек длинный нож. Горло хлопнуло розовым, голова откатилась к колесу инвалидной коляски.

Пальцы Владимира судорожно скребли пол, ноги сотрясала мелкая дрожь, будто он спал и во сне пытался убежать от кого-то. Существо в колпаке удовлетворенно хрюкнуло и с любопытством взглянуло на инвалида.

– Добрый вечер, – заклокотало оно, впериw немигающий взгляд в Артура.

Тот снова забился в истерике, выворачивая голову, чтобы не видеть весь этот ужас.

– Уйди! – Алекс замотал головой.

Его коляска дернулась влево, врезалась в Федорыча, и тот чуть не перевернулся.

– Уйди, – повторил инвалид.

Он не заметил, как обмочился от страха, и только сейчас ощутил тепло в паховой области.

Артур продолжал выть. Из его рта пошла пена. В сарае витал запах крови, дыма и бензина.

Клоун мельком глянул на гвозди, паяльник и хихикнул.

– Дилетанты! Ты ошибся, милый мальчик. Этот бедный старик ни при чем. Тебе нужен я. Хочешь закончить нашу игру? – хрипло прошептал он, облизнул жирно обведенные губы и стал надвигаться на инвалида.

Алекс закрыл лицо руками и издал душе-раздирающий вопль.

Часть 2

Сатана входит в людей и заставляет их делать то, чего они не хотят.

Герберт Маллин, серийный убийца

«Рука Хэйранда мягко опустилась на рукоять тяжелого двуручного меча. Воин не боялся схватки с незнакомцем. Более того, он жаждал ее. Все чувства молодого человека обострились, даже волоски его кожи вздыбились под приливом адреналина.

– Мне жаль тебя, – прищурился Омми.

Это был рослый темнокожий мужчина сорока пяти лет. Покрытые шрамами руки, бугрящиеся от мышц, сжимали громадный топор, на котором еще не засохла кровь друзей Хэйранда».

– Ну?... – Парень посмотрел на Катю.

Он выглядел расслабленным, почти сон-ным, но от нее не ускользнуло его настойчивое желание получить ответ.

– Это что, твое?

Бровь юноши приподнялась.

– Это написал я, хотя идея принадлежит другому человеку. Я работаю под заказ. Тебе не нравится?

Катя улыбнулась, подумав о том, какой он все-таки странный.

– Это ведь только начало, Олег, – резонно заметила она. – По двум абзацам сложно судить о книге. Ты оставишь мне текст?

– Здесь не все, – сказал Олег, передавая Кате прозрачный файл, в котором лежала стопка листов. – Я еще работаю над этой вещью. Да, я простой исполнитель, но какую-то долю своей фантазии все равно использую.

Молодые люди сидели на берегу озера, в тени раскидистого тополя. Катя болтала ногами в воде, наслаждаясь прохладой. Олег устроился по-турецки и медленно водил ладонью по траве.

– В общем, сейчас ты пишешь что-то вроде фэнтези, но, если я правильно тебя поняла, хочешь создать что-то свое?

Лицо Олега на секунду помрачнело так, словно туча, набухшая влагой, на короткое время закрыла собой солнце. Затем оно снова озарилось улыбкой.

– В идеале да. Но вообще-то я мечтаю написать что-то в стиле сплаттерпанк и уже потихоньку работаю над этим.

– Спла... Чего?

Кате стало смешно. Она почему-то подумала о двух панках, вечно обдолбанных грязнулях с разноцветными ирокезами, которые по выходным околачивались у центрального фонтана города и клянчили мелочь.

– Так в чем смысл этого жанра? – поинтересовалась Катя, не желая обидеть парня.

– Прости, долго объяснять. Погляди в Интернете, там все понятно изложено.

– Тебя это коробит? Прости, что лезу в душу. Но мне кажется, тяжело писать за кого-то, зная, что на обложке книги будет стоять чужое имя.

– Мое тоже там будет. Правда, в числе редакторов. – Последняя фраза была произнесена нерешительно, словно оправдание.

– Так ты пишешь только за деньги? Или потому, что в тебе есть такая потребность? А может, мечтаешь облагодетельствовать круг почитателей своего заказчика? Не пойму я что-то, – сказала она. – Ты уж извини, но мне и правда интересно.

На губах Олега появилась улыбка. Глядя на него, Катя тоже заулыбалась. Нет, в нем явно что-то есть.

– И то, и другое, – проговорил он с таинственным видом. – И третье. Вы удовлетворены ответом, милая леди?

– Не очень, но думаю, что это сейчас не так важно.

Олег слегка нахмурился, будто ища подвох в словах Кати, но потом черты его лица вновь разгладились.

– Ты слышала, что несколько дней назад из психушки сбежал сумасшедший? – вдруг спросил он. – Артур Малышев, маньяк, его еще Живодером называли.

Катя непроизвольно поежилась. Еще бы не слышать! Об этом теперь все говорят. В новостях только его физиономия и мелькает.

– Нашли?..

– Нет еще. Я все время отслеживаю прессу. Это странно, если учесть, что весь лес в Заозерье прочесали вдоль и поперек несколько раз.

– Заозерский район далеко отсюда, – сказала Катя, но подумала, что тридцать-сорок километров – не такое уж большое расстояние.

Особенно для сумасшедшего, которому нечего терять.

– Ты меня не поняла. Возможно, менты не могут найти маньяка именно потому, что его уже нет в лесу, – произнес Олег.

– Да ну? – не поверила девушка. – Куда ж он денется? Туда даже солдат согнали, я по телевизору видела! В этом лесу полиции даже больше, чем грибов!

– Но ведь Живодер до сих пор не найден, – возразил Олег. – Кто знает, может, он сейчас наблюдает за нами вон из-за того дерева?!

– Очень смешно, – фыркнула Катя.

Неуютное состояние не проходило, и она подумала:

«А ведь он прекрасный психолог. Ему почти удалось вызвать у меня страх».

– Мы будем обсуждать маньяка? – Катя решила сменить тему.

Олег засмеялся, указал на файл со стопкой листов и заявил:

– Нет, просто после этой книги я решил написать про Живодера. Помнится, кто-то уже пытался слепить что-то про Малышева. Я тоже хочу сотворить настоящий триллер.

– Не слишком ли ты самоуверен? – осведомилась Катя.

Олег склонился над ней и ответил вопросом:

– Разве женщин больше привлекают невнятно бубнящие задохлики, которые боятся собственной тени?

– Бубнящие задохлики, – с чувством повторила Катя, словно дегустируя фразу. – Да, ты явно не из их числа.

Олег мягко принял к девушке и поцеловал ее в губы. Катя обняла его и тут же почувствовала, как по телу пробежала волнующая дрожь.

Руки Олега заскользили по бедрам девушки. Она еще крепче прижала к себе парня. В этот момент зазвонил ее телефон.

– Это твоя сигнализация сработала? – Олег нежно куснул Катю за мочку уха.

Она с неохотой отстранилась, вытащила телефон из сумочки и поморщилась. Гоша!.. Легко на помине.

– Слушаю, – ровно произнесла девушка.

– Катюха, привет! – пробасил Георгий. – Ты опять потерялась, не звонишь, не пишешь...

– Гоша, не нужно начинать сначала.

– Чего?!

– Мы уже давно все обсудили. Прощу, не звони мне, – сказала девушка и встретилась глазами с Олегом.

Он сделал вид, что происходящее его совершенно не заботит, и отвернулся.

– погоди, ты что, обиду на меня кинула? – возмутился Георгий. – Так я сейчас подъеду, и мы еще раз все обсудим! Ты где?

– Нет. Не надо куда подъезжать, – твердо сказала Катя.

В мобильнике повисло молчание, потом она услышала осторожный голос:

– С тобой этот хорек? Тот самый?

– Прекрати. Все, я занята, – отрезала она и выключила телефон.

Он тут же зазвонил снова, но Катя нажала кнопку беззвучного режима и убрала мобильник в сумочку.

– Все нормально? – поинтересовался Олег, повернувшись к Кате.

– Относительно, – ответила она с досадой в голосе, поднимаясь на ноги.

Этот звонок испортил ей настроение, и она гадала, последует ли какое-либо продолжение этого короткого, но эмоционального разговора. Катя решила, что пора вносить телефон Гоши в черный список.

– Ты расстроена, – сказал Олег, испытующе глядя на девушку.

Она смахнула волосы с лица и спросила:

– Ты физиономист?

Олег пожал плечами.

– Наше тело куда красноречивее слов. Оно сдает нас с потрохами и раскрывает наши чувства. Твоя поза говорит сама за себя. Стоишь вполоборота, руки образуют преграду. Ладно, я увлекся. Мне пора. Тебя подбросить?

– Нет, я с девчонками через полчаса встречаюсь, – сказала Катя, невольно опуская руки. – Позвони мне вечером.

– Обязательно, – пообещал Олег, поцеловал девушку и уверенной походкой направился к машине.

Катя смотрела, как он усаживался за руль. Олег помахал ей рукой, и темно-зеленая «Тойота» тут же сорвалась с места.

Она вновь подумала о Гоше и вздохнула.

Катя встречалась с ним примерно год. Высокий парень с широкими плечами и мощными бицепсами, напористый и где-то даже наглый, поразил ее. Он был байкером, вице-президентом «Северных барсов». Так в Каменске называлась чепта ² основного мотоклуба. Потертая кожа, брутальные татуировки на накачанном теле, свистящий ветер в ушах, ощущение скорости на дороге – все это вызывало в подсознании Кати образ дикой, первобытной красоты настоящего мужчины и, конечно же, свободы.

Поначалу ее все устраивало – поездки, яркие, впечатляющие шоу-программы с концертами, тяжелые мотоциклы, сверкающие хромом, и приятно поскрипывающие кожаные джинсы. Но постепенно вся эта байкерская суэта стала ей надоедать. Клуб, на который Гоша молился, начал напоминать девушке детский сад. Не важно, что его воспитанникам, затянутым с ног до головы в кожу и обвешанным цепями, было уже под тридцать. В их черепных коробках гулял вольный ветер, точно такой же, какой дул им в физиономии, когда они всей оравой мчались по трассе.

Все их разговоры неизменно сводились к мотоциклам, фестивалям, байкерским понятиям и тому подобному. Катя уже знала, чем суппорты отличаются от проспектов, что однопроцентники связаны с криминалом. Ей было известно, что за свои цвета, то бишь нашивки на жилете, их обладатель будет стоять насмерть. Он порвет глотку любому, кто посмеет оскорбить его братьев.

---

² Чепта – отделение мотоклуба, основанного в другой местности, состоящее не менее чем из шести байкеров.

Со временем от их отношений повеяло прохладой. Катя начала избегать Гошу, а тому это не понравилось. Конечно, он целый вице-президент мотоклуба, а тут его какая-то соплячка динамит! Позор в глазах байкерской братвы. Это не она, а он должен ее бортануть, как и любую другую девку. Впрочем, Кате давно уже было известно, что почти все эти ребята совершенно искренне считали женщин людьми второго сорта и вообще относились к ним как к вещам.

«Оказаться в одной койке с любым из нас – великая честь для бабы, – часто говорил Слон, он же Василий, занимавший в клубе должность дорожного капитана ³. – Она должна благодарить ангелов за то, что попала под наше покровительство».

Ясное дело, Катя была категорически не согласна с этим утверждением. Все же окончательный и жирный крест на их отношениях с Гошей был поставлен после поездки на слет под Таштагол.

«Барсы» собирались ехать на отдых всем клубом, порядка семидесяти мотоциклов. Настроение в тот день у Кати было не очень. Первую пару месяцев после смерти родителей оно всегда оставалось не просто паршивым, но ужасным. Когда Гоша позвонил и предложил ей составить им компанию, девушка почему-то согласилась. В конце концов, нужно развеяться. Так ведь можно и помереть от депрессии. Тем более что Гоша ведь не в ЗАГС ее звал.

Сидя в широком кожаном седле VTX-1800, она внезапно почувствовала дурное предчувствие. Но менять решение было уже поздно. «Барсы» уже с ревом неслись по дороге, заставляя весь остальной транспорт испуганно жаться к обочине.

Уже к середине мероприятия Катя невыносимо захотела обратно. Ее буквально воротило от вони выхлопных газов и от этих байкеров, вмиг окосевших от водки.

Лагерь был разбит у речки Кондома. Палатки стояли почти у самого обрыва, с которого байкеры, трезвые и не очень, тут же принялись кувыряться вниз.

– А ты чего киснешь? – спросил Гоша, на крепком теле которого сверкали капли воды. – Давай, охладись, вишенка. Водичка супер. Офигенный драйв.

Почему бы и нет? Солнце припекало, самое время освежиться. Она быстро переоделась и направилась к ступенькам, ведущим к воде.

Тут Гоша взял ее за плечо и осведомился:

– Ты что, боишься прыгать?

– Высоковато. – Она покачала головой, но Гоша только засмеялся и заявил:

– Ты ведь у меня смелая, вишенка.

Катя осторожно подошла к краю обрыва. Метров десять будет. Сильный порыв ветра разметал ее волосы.

«Еще сдует на фиг, пока лететь буду», – подумала она и предложила:

– Давай вместе.

– Вместе стремно, можем покалечиться. Я ведь в три раза больше тебя. Я за тобой прыгну.

Настойчивость, с которой Гоша ее уговаривал, немного удивила девушку. Но в тот момент она, одуревшая от утомительной дороги и пекла, не стала задаваться вопросом, с какой целью байкер из кожи вон лез, лишь бы заставить ее нырнуть.

Она еще раз взглянула вниз. Там бултыхался Дантист, он же Рома, со своей новой пышногрудой подругой, бедра которой изобиловали татуировками.

– Да слабо ей! – вдруг заявил Слон, незаметно подошедший сзади.

Невзирая на огромные габариты, он был очень проворным, умел появляться бесшумно в самый неподходящий момент и нависать над тобой как грозовая туча.

Катя даже всерьез недоумевала, как мотоцикл может выдерживать такую тушу. По ее мнению, он должен был развалиться на запчасти, как только эта жирная задница коснется

---

³ Дорожный капитан – опытный член клуба, осуществляющий руководство движением колонны в мотопробегах.

седла. Но байк каким-то непостижимым образом не рассыпался, и Слон даже как-то умудрялся на нем ездить.

– Слабо! – повторил толстяк.

«Это тебе, Слоняра, слабо», – подумала Катя.

Ей хотелось окунуться в воду, но она боялась прыгать с такой высоты, а спускаться было неудобно и долго.

– Ну?.. – спросил Гоша, и его глаза как-то странно блеснули.

Слон ухмылялся, почесывая мохнатую подмышку. На его массивных серебряных перстнях играли солнечные блики. Только сейчас Катя заметила, что на нее смотрели почти все байкеры.

Она шагнула вперед, пальцы ног ощутили влажную траву. Катя уже набрала воздуха в легкие, как Слон пронзительно свистнул прямо над самым ее ухом. Она вздрогнула от неожиданности, и ее левая нога заскользила по глине. Гоша что-то встревоженно крикнул, но девушка уже летела вниз, беспомощно хватая воздух руками.

Она перевернулась в воздухе и упала в воду спиной. Внезапная боль была настолько ошеломительной, что у Кати мигом сперло дыхание. Девушка потеряла сознание.

В себя она пришла в больнице. Гошу к ней пустили только на пятые сутки, когда Катя вышла из комы. Бледный, насмерть перепуганный, он что-то бессвязно лепетал. За его спиной маячил заметно похудевший, как ей показалось, Слон с цветами. Катя глядела на них широко раскрытыми глазами и ничего не понимала.

Много позже она узнала, что захлебнулась, и река поволокла ее по течению. Гоша тут же нырнул вслед, но тело Кати уже скрылось под водой. На берегу началась паника. В воду прыгнули еще двое мотоциклистов, в том числе и Слон, туша которого подняла волну, сравнимую разве что со взрывом пуда динамита.

Катя все это время находилась под водой. Эта история наверняка закончилась бы ее смертью, но, на счастье, крики слышали рыбаки, находящиеся на противоположном берегу. Они-то и вытащили Катю на песок.

Признаков жизни она не подавала и, несмотря на все действия, предпринимаемые спасателями, начала покрываться синевой. Как позже признался один из рыбаков, он уже не верил, что ее можно вернуть к жизни. Второй тем временем начал делать непрямой массаж сердца. Уже никто не верил в то, что она выживет. Но тут Катя закашлялась, из ее рта хлынула вода.

Бог вернул ее на грешную землю, посчитав, что рановато ей воссоединяться со своими родителями. Она фактически вернулась с того света.

В больнице ей сказали, что еще минута под водой, и было бы поздно. Катя и так находилась в состоянии клинической смерти около трех минут.

– Можешь запомнить этот день как второе рождение, – добавил на прощание врач.

Она не винила Гошу, который подначивал ее. Сама дура. Но ее отношение к происшедшему резко изменилось, когда Катя узнала, что причина уговоров нырнуть была банальна, как три копейки. Гоша просто поспорил со Слоном на бутылку виски, прыгнет она с обрыва или нет.

Это оказалось последней каплей. Никакие извинения и заверения Гунна, как называли Гошу члены клуба, в горячих чувствах уже не имели смысла. Если что-то и было, то умерло. Как, возможно, и энное количество клеток ее головного мозга, который находился в состоянии клинической смерти.

А потом она встретила Олега. Сдержанный, эрудированный, довольно привлекательный парень. Конечно, до силы и мужественной фигуры Гоши ему далеко, но его обаяние и интересный характер с лихвой компенсировали все остальные мелочи, на которые Катя обязательно обратила бы внимание при общении с другим парнем. А самое главное – он умел красиво уха-

живать и был нежен с нею. В отличие от Гоши, который кроме «вишенки» комплиментов не знал. Самым нежным проявлением его чувств был шлепок ниже поясицы.

Гоша каким-то образом узнал об их отношениях и прямо-таки взбунтовался. Так собака не хочет расставаться с костью. Все разговоры и увещания были бесполезной тратой времени. Он просто ничего не желал слушать и хотел вернуть Катю любыми способами. Интуитивно она чувствовала, что примирение нужно байкеру лишь для того, чтобы потом отфутболить ее как смятую банку из-под пива и выглядеть настоящим мужиком в глазах своих моторизованных братьев.

И вот сегодняшний звонок. Что он предпримет? Катя не хотела думать о плохом, но кожей чувствовала, что Гоша просто так не отцепится. Когда его эмоции зашкаливали, он терял над собой контроль и был готов на все. Поэтому нужно было что-то решать.

Она обулась и направилась к автобусной остановке, но вдруг боковым зрением увидела, что на нее кто-то пристально смотрит. Катя медленно повернулась.

Это была пожилая женщина. Неопрятно одетая, с растрепанными седыми волосами, она молча глядела на девушку. Ее правая рука была наполовину короче левой. Обрубок заканчивался узлом на рукаве засаленной рубашки.

Тонкие пальцы Кати сжались в кулачки.

Несколько дней назад она уже видела эту странную тетку. Да, на остановке, неподалеку от кинотеатра «Мираж». Бомжиха какая-то. Тоже вот так стояла и пялилась на нее как баран на новые ворота. Что ей надо?

– Я могу вам чем-то помочь? – громко спросила Катя, закидывая сумочку на плечо.

Женщина отступила, неопределенно качая головой. Ее губы что-то прошептали, но девушка, естественно, не могла ничего расслышать.

Вскоре незнакомка скрылась в листве. Катя постояла немного и направилась к остановке.

В шесть утра Виктор уже был в Заозерье. Ему без особых проблем удалось пройти через оцепление. Многие полицейские прекрасно помнили его.

На нем была непромокаемая куртка и штаны цвета хаки, заправленные в военные ботинки. За спиной болтался небольшой рюкзак с провизией. Кроме нее, там лежали фонарь и веревка. В наплечной кобуре дремал наградной «ПМ».

Некоторое время Бокова одолевали сомнения насчет правильности принятого решения. В конце концов, на розыск Малышева-младшего брошены лучшие силы края. Вчера вечером из Новокузнецка прибыл отряд спецназа. К делу подключились воинские формирования. Что может сделать в одиночку бывший опер?

«Дело даже не в удаче, – вдруг подумал Виктор, проворно двигаясь сквозь чащу. – Просто я никогда не прощу себе, если не использую самый мизерный шанс поймать ублюдка».

Незаметно прошло полтора часа. За это время он издали увидел цепь полусонных солдат-срочников, бредущих по траве, мокрой от росы. Лейтенант, валяющийся с ног от усталости, что-то зло выкрикивал, очевидно, подгоняя группу, но солдаты не реагировали. Они мечтали поскорее упасть в постель после бессонной ночи. Вскоре цепь скрылась из виду. После недолгих размышлений Виктор принял решение идти на север.

Вчера, после того как жена немного пришла в себя, они быстро собрали вещи. Через два часа он посадил их со Светланой на поезд в Гурьевск, где проживала старшая сестра Елены. Он глядел на мелькающие вагоны, и внезапно ему в голову пришла безумная, нелепая по своей сути, но в то же время ужасающая мысль. Этот Малышев сбежал из психушки, чтобы закончить начатое дело и добраться до его семьи. Виктор будто воочию увидел, как нечто несуразное, уже мало напоминающее человека, ночью крадется к дому, где безмятежно спят Лена со Светой.

Он чертыхнулся.

«Ну и мысли! Так и свихнуться недолго».

Слева в кустах что-то зашелестело. Виктор тут же пригнулся, мгновенно выхватил пистолет.

– А нервы-то уже совсем дерьмовые, – пробормотал он, глядя на глухаря, тяжело хлопающего крыльями.

В кармане едва слышно потрескивала рация, настроенная на полицейскую волну. Толку от нее было как от козла молока. Но иногда сквозь помехи пробивался мрачный голос какого-нибудь поисковика, и Виктор увеличивал громкость.

Живодер как сквозь землю провалился, но Виктор сердцем чувал, что он где-то здесь. Ведь его столько связывало с этим сумасшедшим клоуном! Именно Артур принял роды у его жены. Лена больше не может иметь детей. Из-за этого маньяка Виктор потерял сына. Он постарается дышать в одном ритме с негодяем и видеть его глазами, приложит все усилия, сделает так, чтобы их встреча состоялась.

Через минуту Виктор вышел на лесную дорогу и тут же замер. Следы машины были свежими. Он присел рядом с лужей и осторожно дотронулся до рифленой борозды, оставленной протектором. Широкие колеса. След глубокий.

Машина, которая прошла тут, явно не полицейская и не грузовик, который мог бы привезти солдат.

Джип. Внедорожник.

Что он тут мог делать в такое время? Ведь новость о том, что в лесу прячется Живодер, уже давно облетела не только область, но и всю страну.

Виктор оглядел тропу. Он знал, что за поворотом начиналась трасса. Там полно полиции. А вот откуда эта машина приехала? Где-то в окрестностях находилась сторожка егеря. Он немного знал Федорыча, неразговорчивого мужика в телогрейке.

Боков направился по тропе. Пока он шел, по рации несколько раз кто-то пытался вызвать Волну.

Вскоре Виктор остановился возле поваленного дерева, которое преграждало дорогу. Земля рядом с ним была вся в следах шин.

«Значит, автомобиль приехал сюда, развернулся... и был таков. Так?» – сказал сам себе Виктор.

Он переступил через полусгнившее дерево, и его внимание привлек крошечный кругляшок, лежащий на небольшом островке мха. Виктор осторожно поднял его, рассмотрел и убрал в нагрудный карман. Он сделал это инстинктивно. Такая привычка у него выработалась еще в милиции.

Вскоре сквозь деревья замаячил дом. Боков убрал рукой ветки и подошел вплотную к воротам.

Он смотрел вперед, чувствуя, как участился пульс. Ворота были приоткрыты, во дворе стояла полнейшая тишина. Дом стопроцентно должна была охранять собака, но никаких признаков четвероногого друга человека он не видел. Виктор толкнул ворота, держа перед собою пистолет, и зашел во двор.

То, что на участке егеря произошло что-то плохое, стало ясно сразу. У вольера лежало бездыханное тело крупного мастифа. Вся трава была темно-бордового цвета, ступени, ведущие в дом, также оказались залиты кровью. Виктор не сводил глаз с приоткрытой двери.

Только сейчас ноздри Бокова уловили странный запах. Будто где-то рядом что-то сперва поджаривалось, потом подгорело и начало обугливаться.

«Позвони в полицию», – шепнул ему внутренний голос, но Виктор шагнул вперед.

Он открыл дверь и чуть не наступил на мужчину, лежащего в луже крови. Головы у него не было, плечи и грудь изрублены.

Осмотр дома ничего не дал. Избушка была пуста, не считая трупа. Виктор снова подошел к телу и отметил, что убитый не из бедных. На нем были хорошие брюки, да и туфли он явно приобретал не в секонд-хенде.

«Ты не похож на друга владельца этой лачуги, – подумал Виктор. – Кто ты и с какой целью пожаловал сюда? Где, кстати, твоя башка?»

Последняя мысль выскочила рефлексивно. При всей трагичности ситуации Виктор едва сдерживал истеричный смех.

«Где его голова? Да фиг его знает. Он ведь затейник, наш Артур, великий фантазер, – думал Боков, торопливо обыскивая мертвеца. – Он мог нацепить ее на кол, играть ею в футбол, сделать из черепа пепельницу».

Кроме ключей от машины и жевательной резинки, он ничего не нашел, покинул дом и остановился возле сарая. Запах горелого шел оттуда. Цепкий взгляд отметил разбитое окно.

«Оно там. Ждет меня. Затаилось где-то в углу с топором в руках», – пронеслось в голове Виктора.

Он набрал в грудь побольше воздуха и резко рванул дверь. Смердная волна накрыла его с головой.

Виктор не считал себя слаонервным, заранее готовился к чему угодно. Но у него зашевелились волосы, а именной пистолет предательски дрогнул.

Так он простоял почти минуту, а потом хрипло сказал:

– Парень, если это сделал ты, то превзошел самого себя.

Виктор вытер лоб и сделал маленький шаг вперед. Он зажал нос. Его желудок сжался от вони, заполнившей сарай. Из Виктора едва не выплеснулось наружу не до конца переваренное месиво из чая и бутербродов с ветчиной.

Первой мыслью было вытащить шнур из розетки, но он вовремя опомнился. До прихода экспертов-криминалистов ничего нельзя трогать. Таково одно из важнейших правил опера. Только визуальный осмотр.

Виктор присел на корточки и внимательно оглядел труп. Потом он снова посмотрел на стену. Туда, где был распят еще один мертвец, от которого струйками сочился тошнотворный запах. Третье обезглавленное тело лежало рядом с верстаком. Своим сложением этот покойник был очень похож на мужчину, обнаруженного Виктором в доме. Даже брюки и туфли чуть ли не одинаковые. Охрана?

На верстаке лежали две головы. У каждой во рту по красному помпону, на побелевшей коже потеки крови, лица абсолютно невыразительные, будто их убили во сне.

Боков прищурил глаза и подошел вплотную к трупу, висевшему на стене. Это был довольно крупный мужчина. На нем отсутствовала какая-либо одежда. Безжизненное тело держалось на толстенных гвоздях, вколоченных в локтевые суставы, ладони, колени и ступни. Скоба, вбитая в стену, вплотную прижимала шею покойника, поддерживала подбородок.

Боков вглядывался в лицо убитого, пытаясь понять, знает ли он этого человека, хотя смотреть было особенно не на что. Вместо лица почерневшая головешка с пустыми глазницами и дырой, откуда курился вонючий дым. Из глотки торчал шнур, штекер которого был подключен к удлинителю, а тот – к розетке над верстаком.

В шее мужчины тоже зияло громадное отверстие с обожженными краями. Из этой дыры на шнуре свисал раскаленный паяльник. Тихо и монотонно шипя, его жало медленно плавilo живот распятого человека. Сквозь выжженное отверстие виднелись спекшиеся внутренности.

Виктор не мог отвести взгляда от изуродованного рта мужчины. Вся глотка забита багрово-губчатой обгорелой кашей, будто из несчастного кто-то пытался крюками вытащить кишки.

Боков протянул руку, все еще не веря своим глазам. Обрывок толстой лески торчал прямо из глотки. Вот еще кусочек с оплавленным концом. Он застрял между потемневших зубов.

Виктор, едва сдерживая рвотные спазмы, наклонился. Из горла, прожженного паяльником, торчало что-то инородное, никак не похожее на фрагмент человеческого тела. Боков осторожно поддел этот предмет стволом пистолета. Странная штукавина мягко отслоилась от горелого мяса, и взору Виктора предстала блесна, темная от копоти.

Боков вернулся к первому труп, который был привязан скотчем к инвалидной коляске. Он сразу узнал егеря. В отличие от распятого человека Федорычу относительно повезло. Ему просто проломили голову. Орудие убийства валялось рядом. Это был гвоздодер.

Но Бокова больше заинтересовал не он, а задняя часть рамы инвалидной коляски. На ней было несколько узелков с оборванными кончиками лески.

Виктор поднялся на ноги. Невзирая на то, что картина этой жуткой пытки стала ему ясна, мозг бывшего оперативника ни в какую не желал принимать такое положение вещей. Когда до него дошел чудовищный смысл изуверства, он только лишний раз испытал желание засунуть пальцы в рот и как следует проблеваться.

Распятого человека заставили проглотить блесны. Искать их было не нужно. Егерь, заядлый рыбак, хранил свои снасти здесь. Лески от них привязали к инвалидной коляске, в которую посадили Федорыча, мертвого или живого – теперь уже неважно. Коляску завели, егерь поехал.

Очевидно блесны намертво застряли в желудке. Лески не выдержали и попросту полопались, когда коляска рванула в противоположную сторону. После этого режиссер расстроился тем, что представление не удалось. В ход пошел паяльник, который быстро прожог этому мужику горло и теперь настойчиво продельвал туннель в животе бедолаги.

Кстати, кто это? На Живодера не похож. Тот костлявый, тем более был евнухом, а у этого крепыша все причиндалы на месте.

На полу валялась скомканная одежда, и Виктор перевернул ее. В кармане брюк он обнаружил пластиковую визитницу и вытащил из нее одну карточку. Имя и фамилия, блеснувшие золотистыми буквами, повергли его в ступор.

«Пирогов Александр Александрович. Генеральный директор ОАО «Стимул».

Он вложил карточку обратно и тщательно стер отпечатки пальцев с визитницы. Ему жутко хотелось закурить.

«Пирогов. Инвалидная коляска. Так ведь это сын местного олигарха, – рассуждал Виктор. – Алекс?.. Тот самый, которого Живодер сбросил в колодец. Неужели это он распят на стене?»

Боков уже не мог больше находиться в сарае и поспешил на улицу. В голове царил сумятица. Мысли и версии напоминали взбешенных пчел. Мозг отказывался делать сколько-нибудь вразумительные выводы.

«Какого хрена тут произошло?! Четыре трупа! Неужели эту мясорубку устроил Малышев? Нет, я отказываюсь в это верить. Без чьей-либо помощи он не смог бы сделать такое. Хотя бы подвесить Пирогова – он как минимум под центнер весит! А отрубить головы этим здоровякам?

В машине, следы которой я нашел в лесу, наверняка был Артур. Скорее всего, не один. Они убили здесь всех, а потом скрылись на том самом джипе, на котором сюда, вероятнее всего, прибыл Алекс со своей охраной».

От этой мысли бывшего опера бросило в жар. Это ведь было совсем недавно. Час назад, может, два.

Он слишком поздно услышал какое-то движение, а когда повернулся, увидел ствол, наставленный в грудь.

Рядом с мостом на обочине стояли три мотоцикла с высоченными рогатыми рулями. Эти хромированные агрегаты с проклепанными широкими сиденьями и кофрами с бахромой

привлекали внимание многих автолюбителей. Те невольно снижали скорость, чтобы лучше рассмотреть роскошных железных коней.

Неподалеку от мотоциклов прямо на траве расположилась колоритная троица – Гунн, Слон и Дантист. Слон рассказывал какой-то тупой анекдот, а Георгий озабоченно посматривал на часы. Гаучо уже давно должен был отзвониться.

В противовес Слону, Дантист был высок и худощав, с вечно бледным утомленным лицом, будто всю ночь изучал мануал по эксплуатации своего байка. Его жилистое тело почти до самых ног покрывали татуировки. Длинные волосы, сквозь которые уже давно пробивалась седина, были стянуты в конский хвост.

Дантист нравился Гунну хотя бы тем, что никогда не держал камня за пазухой и всегда говорил то, что думал. Он был одним из немногих, кто беседовал с Гунном на равных.

Роман получил кличку Дантист не за то, что имел какое-то отношение к стоматологии. Все куда прозаичнее. Ему просто выбили передние зубы в драке. Вообще-то Дантист умел работать кулаками, но тот день был явно не его. Он столкнулся с каким-то заезжим крепышом, и тот вырубил Рому с первого удара.

Впрочем, через неделю Дантист и несколько парней выследили боксера и отделали так, что беднягу увезли на «Скорой». Больше о нем в Каменске никто ничего не слышал.

Зубы Дантист так и не вставил. Нет, не потому, что не имел на это денег или времени. Просто ему было лень.

– Я сам разберусь с этим дерьмом, – сказал Гунн.

– Конечно. Только зачем ты нас сюда притащил? – осведомился Дантист.

– Вы же сами напрашивались. Слон просто мечтал поглазеть на моего конкурента, – сказал Гунн. – И потом, ситуация может сложиться разная. Хотя мне по фигу, я вас не держу.

Слон с наслаждением приложился к минералке и осушил почти полбутылки.

Потом он вытер бороду, смачно рыгнул и пробасил:

– Так не пойдет. То хочу, то не держу. Я не какой-нибудь сопляк, чтобы скакать туда-сюда.

Гунн покосился на брюхо Слона, на котором блестели капельки пота, и спросил:

– Ты туда диванную подушку зашил?

– Байкер без пуза – что базар без арбуза, – парировал Слон и заржал.

Он вытащил из кармана кожаной жилетки размякший шоколадный батончик, сорвал обертку и принялся жевать.

– Вот теперь я в шоколаде. А все остальное отстой, – промычал толстяк с набитым ртом.

– Конечно, отстой, – согласился Гунн. – Если бы ты тогда не свистнул, Катюха не свалилась бы в воду. Сейчас мы с вами тут не сидели бы.

– Гунн, здесь я с тобой не соглашусь, – снова подал голос Дантист. – Ты на взводе, на эмоциях. Тебе хочется схватить этого чушка и встряхнуть из него дерьмо. Но это неправильно, он ни при чем. Подвернулась смазливая телочка, пацан к ней прилип. На его месте так поступил бы любой другой. Во всем, что произошло, виноват ты. Тебе просто нужно принять эту ситуацию, изменить отношение к ней. Иначе ты станешь посмешищем. За твоей спиной и так шушукуются. Мол, Гунн на клуб забил и болтается где-то в розовых облаках. Влюбился, как прыщавый студент, втрескался по самые уши. Мужик не должен себя так вести. Ты просто не можешь, точнее сказать, не хочешь смириться с потерей этой девки. Тебе нужно отвлечься. Она не лучше остальных, таких миллион.

Гунн молчал, хотя внутри у него все клокотало. Слова Дантиста били точно в десятку.

– Займи свой мозг, брат. Он не терпит вакуума, если ты не дебил, разумеется. Пока твоя черепушка забита всяким мусором, душевного кайфа тебе не видать. Наведи в башке порядок, выскреби осадок, заполни ее полезными вещами, – миролюбиво закончил Дантист.

Слон доел шоколадку и теперь вытирал толстые коричневые пальцы об траву. Он не любил заумных речей Дантиста, не совсем и не всегда их понимал, поэтому вся тирада прошла мимо его ушей.

– Я просто поговорю с ним, – наконец сказал Георгий.

Дантист сморщился так, будто вместо яблока ему подсунули лимон.

– Гунн, да он только от одного твоего вида описается. Как ты с ним говорить собрался?

– Может, мне фрак надеть? – зло бросил Гунн. – Предложить ему сигару?

В это время зазвонил телефон. Гунн торопливо приложил его к уху.

– Говори!

– Он будет у вас минут через семь-десять, – раздался голос Гаучо.

Ему не было равных в слежке. Он был глазами и ушами мотоклуба.

– Понял. – Лицо Гунна стало серьезным. – Подъем.

Олег Пылаев уверенно вел машину. Он улыбался, его настроение было прекрасным. Во-первых, парень был уверен в том, что в него влюблена одна из красивейших девчонок города. Во-вторых, у Олега появились новые мысли по поводу следующей книги, своей, а не какого-нибудь Васи Пупкина.

Он уже всерьез подумывал о том, чтобы на время приостановить работу над «Тенью на дороге» и поскорее приступить к своему роману. Благо стимул есть, да еще какой. Этому Малышеву каким-то необъяснимым образом удалось сбежать из психиатрической клиники, да еще завалить при этом двух человек! В прессе пока не появилось ни одного доказательства причастности Артура к смерти этих людей, но Олегу нравилось думать, что это дело рук маньяка. Такой ход событий только прибавлял перцу в идею будущего произведения.

Он не сразу заметил, что на обочине торчал какой-то длинноволосый парень в косухе и махал рукой. В нескольких метрах от него красовался темно-синий мотоцикл. Байкер жестикулировал так, словно от того, остановится Олег или нет, зависела его жизнь.

Нога водителя уже опускалась на тормоз, но в последнюю секунду замерла в миллиметре от педали.

«Да ну его, – пронеслась у парня мысль. – На ногах стоит, мотоцикл целый, ДТП вроде не было. Может, бензин кончился? Хотя мне без разницы, у меня и времени-то нет», – пытался он оправдать себя.

В зеркало заднего вида Пылаев заметил, что байкер перестал махать руками, надел шлем, как ни в чем не бывало сел на своего «коня» и поехал за ним. Олег кашлянул, чувствуя, как его висок словно чем-то кольнуло. Так бывало всегда в моменты волнения. Ему даже казалось, что окружающие видели, как пульсировала голубоватая жилка на его виске. Она напоминала лакмусовую бумажку, с головой выдавала его истинное состояние.

Значит ли это, что байкер ждал именно Олега?

Подозрение превратилось в уверенность очень быстро. Впереди показались еще два мотоциклиста. Они ехали на одной скорости, словно специально ожидали, пока его «Тойота» поравняется с ними. Тот, что держался правее, был просто огромен. Да и мотоцикл оказался под стать ему – громадный, бархатисто-зеленый, выкрашенный под змеиную кожу. Второй байк был покрыт матово-серой краской. Крылья и бак пересекали разлохмаченные кроваво-красные полосы, создавая иллюзию, что мотоцикл изнутри рвут чьи-то когти.

Этого байкера Олег узнал сразу. Гоша, бывший парень Кати! Он уже видел его однажды. «Барсы» в апреле открывали сезон. Гоша тогда несея во главе колонны с флагом клуба.

Совсем некстати взгляд Олега остановился на табличке, заменявшей номер на мотоцикле Георгия. На ней была выведена какая-то надпись старославянским шрифтом.

Гунн начал притормаживать. Пылаев, силясь прочесть надпись, зазевался и чудом не врезался в мотоцикл. Он успел утопить педаль тормоза в самую последнюю секунду. Толстяк

тоже остановился, только чуть дальше. Сзади затарахтел двигатель. Подъехал третий парень, тот самый, который голосовал.

Странно, но страха не было. Наоборот, появилось какое-то тупое раздражение. Какого черта им от него нужно? Насмотрелись всякой хрени про американских «Ангелов ада» и туда же! «Нужно позвонить в полицию», – подсказал ему внутренний голос.

Олег не без труда отверг эту идею. Ведь пока еще ничего не произошло.

Он внезапно подумал, что лучшего места для разборки не придумаешь. Чтобы срезать путь, Пылаев свернул на второстепенную дорогу, которая, как правило, была пустынна. Рядом глубокие канавы, да и до леса рукой подать.

Перед ним появилось лицо длинноволосого байкера. На голове черная немецкая каска, ветер трепал седеющие волосы, глубокие темные глаза с любопытством изучали замершего парня.

– Что ж это вы, любезный, не останавливаетесь, когда человек просит? Где же ваше чувство гражданской ответственности?

– Благодарю, но я не нуждаюсь в лекциях о морали, – спокойно ответил Олег.

Его волнение выдавали только руки, вцепившиеся в руль, и чертова жилка на виске.

– Я не обязан останавливаться только потому, что вы голосуете.

Байкер слегка улыбнулся, но было заметно, что он не ожидал подобного ответа и как минимум озадачен. К машине подошел Георгий, снимая шлем с мордой дракона. Толстяк сидел на мотоцикле. Он достал из кармана кобуры пакет с фисташками и старательно грыз их, словно все происходящее его совершенно не касалось.

– Выходи! – заявил Георгий.

Он не сказал, не попросил, а именно потребовал. Мозг Олега зафиксировал этот факт.

– А я вас знаю? – поинтересовался он.

Лоб байкера прорезала глубокая складка.

– Это неважно. Достаточно того, что я знаю тебя.

– Угу. Замечательно. Только я не помню, чтобы мы переходили на «ты», – произнес Олег.

Георгий нехорошо хмыкнул.

Дантист тоже изобразил улыбку. Щербатый оскал на худом, покрытом щетиной лице вызывал скорее дрожь, нежели желание улыбнуться в ответ.

– Ты выйдешь или будешь ломаться? Это не займет много времени. Мы кое-что обсудим, и ты будешь свободен. Наверное, тебе уже ясно, кто я? – проговорил Гунн.

«Конечно, понял. Редкостное хамло с завышенной самооценкой. Инфантильный переросток, который не наигрался в крутых парней на мотоциклах», – подумал Олег, вслух же произнес:

– Нет вопросов. Только для этого необязательно перекрывать дорогу. Что, хочется пафоса, да?

Лицо Гунна потемнело, и он едва не сорвался.

Олег открыл дверь и вышел из машины.

– Давай знакомиться. Я Георгий. Запомнил? – чеканя слова, сказал Гунн и протянул руку.

Олег мельком взглянул на тяжелую ладонь байкера, не слишком чистую, с желто-каменными мозолями.

– Говори, что надо, и я поехал. У меня дела, – заявил он, игнорируя протянутую ладонь.

Байкер медленно опустил руку. Его губы плотно сжались.

Приятеля Гунна тоже на мгновение опешили от такой наглости. Даже Слон, до этой минуты всем своим видом демонстрировавший полное равнодушие к происходящему, чуть не подавился фисташкой.

– Лады. Тогда сразу к делу, – процедил Георгий. – Не подбивай клинья под мою женщину, парень.

– Ты о чем? – удивился Олег.

– Не прикидывайся шлангом. Тебе удалось произвести на нее впечатление. Что ж, респект. Не каждому это дано. Катюха – цветочек капризный. Побаловались, и баста. Хватит, мальчик.

Олег вздохнул.

– Детский сад, – пробормотал он и посмотрел Гунну прямо в глаза. – Я не хочу тебя расстраивать, Георгий. Но Катя сама сделает выбор. Было бы глупо пытаться решить за нее. Тем более в таких вещах, как чувства.

Слон хихикнул, но потом его лицо снова приняло невозмутимый вид.

– Знаешь, а ты не так прост, как кажешься, – задумчиво произнес Гунн, шагнул вперед и навис над Олегом. – Я предупредил тебя. Мы не очень любим, когда всякие пижоны крутят перед нами хвостом. Будь паинькой, не лезь туда, откуда тебя потом придется выкаблывать стамеской.

Олег усмехнулся. Он сразу понял, что с этими парнями нужно играть по их же правилам.

– Классное выражение. Мне нравится. Только прошу оставить свои советы для сопляков, которые тащатся от восторга, когда вы гоняете толпой туда-сюда. Кстати, ты забыл добавить: «Никогда не стой, мать твою, на пути у...»

Договорить он не успел, так как сильный удар Гунна сбил его с ног. Олег повалился на капот собственной машины. Из рассеченной губы брызнула кровь. Дантист стоял молча, лишь глаза его слегка сузились. Слон наконец-то соизволил посмотреть на происходящее.

– А вот это было лишним, – сплевывая кровь, сказал Олег.

Гунн прожег его взглядом и взревел:

– Будешь угрожать? Иди сюда!

– Много чести, – сказал Олег, подошел к машине и с сожалением покачал головой. – Бедная Катя. Представляю, какая у нее была жизнь в твоём обществе.

– Заткнись!

– Вы не барсы, а барсики. Стайка помойных котов, – сказал Олег, и Гунн, не помня себя от ярости, снова бросился к парню.

Реакция Олега после предыдущего удара была заторможенной. Даже если бы он был в полном порядке, то, учитывая весовые категории, не имел бы никаких шансов оказать Гунну достойное сопротивление.

Толчок в живот заставил Олега согнуться пополам. В следующее мгновение Гунн перехватил его, как ребенка, и сжал пальцами шею. Олег мог только вздрагивать и хрипеть от бессилия. Дантист крепко держал его ноги.

– Слушай сюда, малыш! – заявил Георгий, и Олег с ужасом почувствовал, что его джинсы соскальзывают до самых колен. – Не дай бог я еще раз увижу тебя с ней. Ты пожалеешь, что на свет народился. Ты ничто, фантик от конфетки, которым и задницу-то не вытрешь. Кстати, о заднице. Это будет тебе уроком за нехорошие слова о нашем клубе. Ну-ка!..

Слон будто бы ждал этих слов и тут же метнулся к ним, выхватывая на ходу мобильный.

Гунн сильно шлепнул Олега. Тот стиснул зубы и до крови прикусил язык. Гунн ударил еще. Слон старательно снимал происходящее на камеру сотового телефона со всех ракурсов.

– Смотрим в камеру! Улыбаемся! – командовал Гунн, отвешивая увесистые шлепки. – Глазками не моргаем, не зеваем!

Олег невидяще смотрел перед собой. Волею судьбы его взгляд уткнулся в мотоцикл Георгия. Он наконец-то смог разглядеть табличку, красовавшуюся вместо регистрационного номера: «Хочешь быть ближе к богу? Обгони меня».

Мимо проехала какая-то машина, но водитель даже не притормозил.

«И правильно сделал. Иначе оказался бы в такой же позе», – скрипя зубами от собственной беспомощности, подумал Олег.

– Все, хорош, – раздался невыразительный голос Дантиста.

Он отпустил ноги Олега. Тот, красный и взлохмаченный, стал напяливать джинсы. Экзекуция заняла от силы минуту, но он был готов поверить, что его бедный зад хлестали не менее получаса.

– Не переступай черту, мальчик, – проникновенно сказал Дантист, закурил, выпустил дым и вставил сигарету в дырку в зубах.

– За каждое слово в отношении нас нужно уметь держать ответ, – голос Гунна плавал, как в тумане.

Он колонной возвышался над Олегом, просунув большие пальцы за широкий кожаный ремень. Пряжка была в форме массивного черепа с мерцающими камешками-угольками. Они издевательски подмигивали униженному юноше.

– Хочешь, я сегодня же вечером пришлю этот ролик Катюхе? – полюбопытствовал байкер.

Олег поднял на него глаза. Жилка, так волновавшая его, уже давно успокоилась. У парня было ощущение, будто его извалили в навозе.

– Ты думаешь, после этого она воспыхает к тебе чувствами? – чуть охрипшим голосом спросил он.

Штырек на пряжке его собственного ремня никак не хотел входить в нужную дырочку – так тряслись руки. Ничего, ребята. Всему свое время.

– Пока, сладенький! – Слон ухмыльнулся и сделал неуклюжий реверанс.

На негнущихся ногах Олег обошел «Тойоту» и почти упал на сиденье. Казалось, байкеры мгновенно забыли о нем и уже обсуждали что-то другое. Неожиданно он увидел, как толстяк направлялся к его машине, держа в руке отвертку. Это было уже слишком.

Олег открыл бардачок.

– Мы забыли про автограф, фантик! – крикнул Слон и всей своей непомерной тушей плюхнулся на капот «Тойоты». Машина вздрогнула, будто начала проваливаться под асфальт. Олегу показалось, что задняя часть автомобиля приподнялась.

Наконец его пальцы нащупали нужный предмет.

Преисполненный решимости совершить задуманное, Слон хотел было ткнуть отверткой в глянцевую поверхность капота, но вместо характерного скрежета раздался выстрел. Глаза толстяка округлились. Его огромное брюхо плавно сползло с машины. Передняя часть «Тойоты» мягко вернулась в исходную позицию.

– Давай сюда телефон, кусок сала, – приказал Олег, держа в руках травматический пистолет.

Слон растерянно топтался на месте, явно не желая расставаться со своей собственностью. Ища поддержки, он смотрел на Гунна, но тот лишь мрачно взирал на взбунтовавшегося хозяина «Тойоты».

«Барс» не мог поверить, что ситуация так кардинально изменилась за какие-то доли секунды. Теперь кроликами были они, а удав – вон он, с расквашенной рожей и ехидной улыбкой. Да еще и со стволом в придачу. Против такого аргумента не поспоришь.

– Телефон, или я стреляю! – повысил голос Олег.

– Отдай, – мягко произнес Дантист, и Слон нехотя повиновался.

Он с опаской приблизился к машине и осторожно положил мобильник на капот. Не сводя пистолета с Гунна, Олег забрал его.

– Я сотру ваш увлекательный фильм и выброшу телефон на обочину, – сообщил он.

Кровь с рассеченной губы скапливалась на подбородке и капала на футболку.

– Чтобы вы не обвинили меня в разбое. И напоследок вот что. Моя личная жизнь вас не касается. Как и меня – ваша. Будете доставать, я гарантирую вам проблемы.

Гунн и Дантист стояли неподвижно, но Олег успел заметить в их глазах недоумение, за которым маячило нечто отдаленно напоминающее страх. Отлично. Это именно то, что надо.

Георгий, багровея от гнева, шагнул вперед.

– Еще одно движение, и я сделаю в тебе дырку, – предупредил Олег. – С трех метров я не промахнусь.

– Ты выстрелишь в человека? – вкрадчиво спросил Гунн.

– Почему бы нет? Ты ведь сам усугубляешь конфликт.

– Ты не понимаешь, во что ввязываешься, – сказал Гунн уже не столь уверенно.

Он чувствовал, что безнадежно проиграл.

– Возможно, – согласился Пылаев. – Но не я начал все это. Не позволю измываться над собой каким-то клоунам на лисапедах. А это – за ваш урок.

Грохнул выстрел. Слон вздрогнул и попятился назад. Его пузо смешно колыхалось в такт движениям. Гунн оцепенело смотрел на свой мотоцикл, точнее, на бак, продырявленный пулей. Из круглого отверстия тут же стал сочиться бензин, наполняя июньский воздух резким запахом.

Олегу хотелось орать и плясать. Что, съели, уроды?! Он нырнул в салон «Тойоты» и повернул ключ зажигания. Мотор послушно заурчал.

Гунн выругался, схватил камень, с силой бросил его и попал в заднюю дверцу «Тойоты». Стиснув зубы, Олег дал по газам. У него было огромное желание зацепить бампером мотоцикла, а еще лучше – их владельцев, но хватило благоразумия этого не делать. Гунн подобрал еще один обломок кирпича, швырнул его и снова попал.

Олег выругался. Заднее стекло пошло трещинами! Останавливаться нельзя. Следующий камень может полететь ему в лоб, а вести машину и стрелять одновременно он пока не научился.

Телефон толстяка был липким. От него тянулся едва различимый запах шоколада. Олег, преодолевая брезгливость, быстро нашел позорный видеоролик, стер его и выбросил мобильник в окно. Вряд ли им можно будет пользоваться по прямому назначению, но это уже проблемы толстяка.

Он посмотрел на себя в зеркало. Увиденное рассмешило его. Весь перемазанный в крови, всклокоченные волосы торчат, глаза, как у психа. Может, именно так выглядел Живодер?

От этой мысли Олега обуяло самое настоящее веселье. Он засмеялся. Рана на губе снова лопнула, но парень не почувствовал этого и включил музыку погромче, продолжая хохотать.

«Барсы» старались не встречаться взглядами. Еще никому из них не доводилось испытать такого позора. Каждому казалось, что в происшедшем виноват именно он.

– Ладно, – первым подал голос Дантист. – Сами лопухнулись. Недооценили фантика. А он неплох, кстати. Выдержка у него есть.

– Неплох? – сквозь зубы проскрежетал Гунн.

Он присел на корточки, поглядел на пробоину в баке, после чего достал из бокового кофра тряпку. Бензин стекал на еще теплый двигатель, и большая его часть тут же испарялась.

– Конечно. Ты радоваться должен, – невозмутимо продолжал Дантист. – Я бы, к примеру, после такой порки влил бы пулю в тебя, а не в твой мотоцикл. Слон, звони к нам. Там сейчас Эстет, пусть «Газель» с кем-нибудь пришлет. Твоему драндулету ремонт нужен.

– С чего звонить-то? Этот козел увез мою трубу, – угрюмо сказал Слон.

Дантист фыркнул и достал свой телефон.

После короткого разговора он закурил и сказал:

– Телега уже в пути.

Слон что-то пробубнил про отстой, но Дантист даже не посмотрел на него. Он похлопал по плечу Гунна, который смотрел на уродливую дырку в баке. Бензин уже почти весь вытек.

– Не расклеивайся. Мне с самого начала не нравилась эта затея. Кто мог знать, что он ствол с собой возит? Всего предусмотреть невозможно.

Гунн в бешенстве сбросил с плеча руку Дантиста и заявил:

– Он еще умоется кровавыми соплями.

«Катюха говорила, что ты книги пишешь, хорек вонючий! Так лучше бы тебе прямо сегодня начать сочинять собственный некролог».

Вскоре возле избушки егеря было уже не протолкнуться, а народ все прибывал. Полиция, военные, кинологи, эксперты-криминалисты, охотники-любители все напирала и напирала, чтобы хоть глазком взглянуть на резню, устроенную у Федорыча.

Паяльник давно отключили, но запах горелой плоти, казалось, не ослабевал, а наоборот, постепенно рассеивался по всему лесу, отравлял своей вонью воздух, листву и траву.

Виктор сидел в полицейской машине, терпеливо ожидая, когда все закончится. Только сейчас до него дошло, чем может обернуться эта история. Ведь он фактически был застигнут на месте происшествия. При желании на него спокойно можно было повесить все трупы, которые находились у Федорыча.

Он не знал молодого лейтенанта, который задержал его. Виктора бесило то обстоятельство, что он тратил драгоценное время на эти бестолковые объяснения, а Малышев разгуливал на свободе.

Наконец он увидел начальника угрозыска Владимира Шабанова. Бывший подчиненный сразу узнал Бокова.

– Верни пистолет, – приказал он лейтенанту.

Тот чуть помедлил и протянул Виктору «ПМ».

– Ты хоть читал, что на нем написано? – с укором проговорил он.

Лейтенант молчал. Он и в самом деле не заметил, что пистолет был именным.

Когда он ушел, мужчины обнялись.

– Ты не обижайся на него. Молодой еще, пришел служить, когда тебя уже не было, – сказал Шабанов. – Ничего, что я на «ты»?

Боков заверил его, что все нормально. Возникла неловкая пауза. Виктору хотелось как можно быстрее покинуть это место. Он уже прорабатывал план предстоящих действий. Вместе с тем ему очень хотелось узнать, какой информацией обладает полиция.

– Я не перестаю удивляться твоей везучести, – сказал Владимир. – В тот раз ты вышел на него, теперь снова первый.

– Толку-то, – равнодушно ответил Виктор. – Он на свободе, и это главное. Отцу уже сообщили? Пирогову?

– Только сейчас домой к ним поехали. Представляю, какой шум поднимется. Все-таки Малышев добил его. Кто бы мог подумать, через столько лет! С другой стороны, некоторые наши считают, что это Пирогов помог сбежать Живодеру, чтобы потом с ним разобраться. Только при чем тут егерь? Неужели и он был в курсе?

Виктор покачал головой и заметил:

– Неверная версия.

– Я знаю, зачем ты тут, – мягко сказал Владимир, оглянувшись, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает, и понизил голос. – Витя, мы найдем его. Ему некуда податься, лес обложили, и кольцо сужается. Ты...

– Он уехал на машине, – так же тихо перебил его Виктор, в упор глядя на майора. – Не в одиночку, у него были сообщники, как минимум один. Наверняка захватил оружие. Я не нашел его на месте.

– Почему ты считаешь, что эти жмурики были вооружены?

– А ты веришь, что Федорыч их на чай пригласил? У них пустые карманы, ни документов, ничего! Они ехали сюда с конкретной целью. Я уверен, что знаю, с какой именно.

– С какой же? – напрягся майор.

Виктор посмотрел в сторону леса, на тропу, по которой пришел сюда пару часов назад.

– Егерь нашел Малышева и решил сдать его Пирогову. Точнее, продать. Он каким-то образом узнал, что Александр давно точит зуб на Малышева. Тот приехал с охраной. Но что случилось дальше, могу только предполагать.

– Ладно, это вопросы следствия, – сказал Владимир.

Ему не нравилось выражение лица Виктора. Он словно глядел в темный омут, из которого в любой момент могла выскочить костлявая рука и утащить его под воду.

– Что ты собираешься делать?

Виктор усмехнулся, и это не понравилось майору. Его бывший шеф изменился с той поры, когда он видел его последний раз.

– Витя, не мне тебе говорить, что бывает за самосуд, – почти шепотом произнес полицейский. – Подумай о дочери и жене. Не позволяй этой гадине ломать свою судьбу. Сиюминутная радость от его смерти будет стоить тебе больших проблем...

– Все! – резко оборвал его Виктор. – Мне пора.

– Товарищ майор! – К Шаламову подбежал тот самый лейтенант. – Только что передали по связи – в шести километрах отсюда нашли белый внедорожник «Ниссан».

Виктор замер.

– В машине обнаружен труп. Это сержант Левадин. С ним был старший сержант Приходько, местонахождение его пока неизвестно. Они из областного отдела, только утром заступили на дежурство. Служебная машина тоже исчезла, – добавил лейтенант.

Боков медленно повернулся к полицейским. На «Ниссане» в городе ездил только один человек. Вне всяких сомнений, джип принадлежал Александру Пирогову.

– Поздравляю вас, – сказал Виктор, как только лейтенант открыл рот, чтобы добавить что-то еще. – Теперь им ничего не стоит выехать отсюда. У них полно стволов, полицейская машина и, возможно, заложник из ваших. Если вы не найдете его труп позже.

«Он был необычайно нежен с нею. Хэйранд обращался с Гайей так, словно шел по краю самого глубокого ущелья Сайламма, держа ее на руках, а хрупкое тело Гайи было вырезано из горного хрусталя».

Катя отложила листок в сторону, наморщила лоб и стала смотреть в окно. Ей кажется, или после чтения произведений Олега у нее и вправду начинает стучать в висках?

Нужно выпить таблетку.

Она встала с дивана, нащупывая ногами тапочки, и подумала:

«Дело не в таблетке. Тебе это известно».

Девушка действительно знала это. После того ужасного случая, когда она несколько минут провела между жизнью и смертью, что-то изменилось. Катя читала, что во время клинической смерти в коре головного мозга и в центральной нервной системе могут произойти необратимые изменения. Врач намекнул ей, что ослабление памяти и депрессия могут быть самыми безобидными их проявлениями.

«Лучше бы я умерла», – внезапно подумала Катя, почувствовала, что в ее глазах скапливаются слезы, и торопливо вытерла их.

С момента смерти родителей прошел почти год, но она до сих пор не могла принять это как данность. Ей не давала покоя причина их смерти. Слезы, порожденные слепым горем и бессилием, снова и снова выжигали ее глаза.

В тот день родители отдыхали в Санкт-Петербурге. Мама давно упрашивала отца устроить эту поездку. Он обещал, но в силу своей занятости на работе все время переносил сроки

отпуска. Когда отец наконец-то взял билеты на самолет, мама разве что от счастья не прыгала. Катя радовалась с ней заодно.

А через четыре дня их не стало. Они погибли дико, нелепо. У смерти в отличие от людей отпуска и выходных нет. Она притаилась в том самом ресторане, который они посетили, и высматривала, кого бы утащить с собой в этот раз.

Так случилось, что за соседним столиком расположилась небольшая группа выходцев с Кавказа. Они почти ничего не ели, пили чай и что-то обсуждали вполголоса.

Вот тут-то и появился этот парень. Несмотря на жаркий летний день, на нем был длинный плащ. Он расстегнул его, достал укороченный автомат Калашникова и принялся поливать огнем всех подряд, сея вокруг смерть. Когда рожок опустел, он хладнокровно вынул из кармана второй, заправил его в автомат и с тем же каменным выражением лица продолжил расстреливать посетителей.

Потом выяснилось, что целью киллера был один из тех южан.

Отец погиб сразу, мама была еще жива, хотя пуля попала ей в шею. Истекая кровью, она пыталась привести в чувство папу, еще не зная, что он уже мертв. Под крики боли и ужаса и непрерывающуюся стрельбу мама потащила его наружу, там вызвала «Скорую» и упала без чувств.

Она умерла через четыре дня. В какой-то момент у нее даже наступило заметное улучшение, и к ней пустили Катю с Милой, близкой подругой мамы, а вечером ее не стало.

Правда, девушка не осталась совсем одна. У нее была бабушка, но Катя интуитивно чувствовала, что смерть матери воздвигла между ними невидимую стенку. Она пыталась помогать Надежде Ивановне. Та на словах всегда была вежлива и ласкова, но держала дистанцию.

Был еще и дядя Павел, но Катя видела его лишь однажды. Все остальное время он проводил в местах не столь отдаленных. К слову, для матери это была больная тема. Она как-то обмолвилась, что тот с ранних лет испытывал к ней только зависть.

Катя проглотила лекарство, запила таблетку водой, потом вернулась в комнату и поглядела на стопку листов, полученных от Олега. В общем-то неплохо, но слишком уж предсказуемо, как-то по-детски.

Катя убрала шедевр Олега в стол.

Ее влекло к этому необычному парню, но смущало, что в последнее время все их разговоры неизменно сводились к обсуждению тех или иных ужасиков, которые он прочитал и захлеб ей пересказывал. Ужасы, насилие. Есть в этом что-то ненормальное. Как он там говорил? Сплаттерпанк?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.